

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ФЕДОР
СОЛОГУБ

Мелкий бес
Романы. Рассказы

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В коллаже на обложке использованы
фрагменты работ художников
*Джузеппе Томинца, Иоганна Генриха Фюсли, Дирка Баутса,
Григория и Никанора Чернецовых*

Сологуб, Федор Кузьмич.

С60 Мелкий бес : романы, рассказы / Федор Сологуб. —
Москва : Эксмо, 2023. — 704 с. — (Всемирная литерату-
ра (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-178056-2

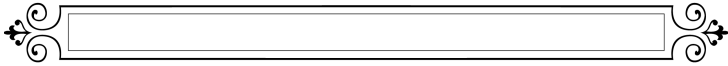
Поэт и писатель Серебряного века Федор Сологуб — один из первых, кто привнес тоскливые и мрачные настроения в отечественную прозу. Шедевром его творчества считается роман «Мелкий бес», где учитель Ардальон Передонов одновременно и жертва, и чудовище. Его беспросветная жизнь в провинциальном городке пронизана отчаянием, а жажда заветного повышения и эгоизм грозят окончательно свести мужчину с ума. «Капли крови» — первый том трилогии «Творимая легенда» о вечных истинах и страстях. Ученый Георгий Триоро стремится скрыться от революционной суеты. В уединенной усадьбе он обращается к некромантии, чтобы воскресить детей-сирот, чьи жизни загубила нищета, и подарить им второй шанс на счастье.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178056-2 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Мелкий бес

Я сжечь ее хотел, колдунью злую.

I

После праздничной обедни прихожане расходились по домам. Иные останавливались в ограде, за белыми каменными стенами, под старыми липами и кленами, и разговаривали. Все принарядились по-праздничному, смотрели друг на друга приветливо, и казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось.

Гимназический учитель Передонов, стоя в кругу своих приятелей, угрюмо посматривая на них маленькими, заплывшими глазами из-за очков в золотой оправе, говорил им:

— Сама княгиня Волчанская обещала Варе, уж это наверное. Как только, говорит, выйдет за него замуж, так я ему сейчас же и выхлопочу место инспектора.

— Да как же ты на Варваре Дмитриевне женишься? — спросил краснолицый Фаластов. — Ведь она же тебе сестра! Разве новый закон вышел, что и на сестрах венчаться можно?

Все захохотали. Румяное, обыкновенно равнодушное лицо Передонова сделалось свирепым.

— Троюродная... — буркнул он, сердито глядя мимо собеседников.

— Да тебе самому княгиня обещала? — спросил щеголевато одетый, бледный и высокий Рутитов.

— Не мне, а Варе, — ответил Передонов.

— Ну вот, а ты и веришь, — оживленно говорил Рутитов. — Сказать все можно. А ты сам отчего к княгине не явился?

— Пойми, что мы пошли с Варей, да не застали княгини, всего на пять минут опоздали, — рассказывал Передонов, — она в деревню уехала, вернется через три недели, а мне никак нельзя было ждать, сюда надо было ехать к экзаменам.

— Сомнительно что-то, — сказал Рутитов и засмеялся, показывая гниловатые зубы.

Передонов призадумался. Собеседники разошлись. Остался с ним один Рутитов.

— Конечно, — сказал Передонов, — я на всякой могу, на какой захочу. Не одна мне Варвара.

— Само собою, за тебя, Ардальон Борисыч, всякая пойдет, — подтвердил Рутитов.

Они вышли из ограды и медленно проходили по площади, немощеной и пыльной. Передонов сказал:

— Только вот княгиня как же? Она разозлится, если я Варвару брошу.

— Ну, что ж княгиня! — сказал Рутитов. — Тебе с ней не котят крестить. Пусть бы она тебе место сначала дала, — окрутиться успеешь. А то как же так, зря, ничего не видя!

— Это верно... — раздумчиво согласился Передонов.

— Ты так Варваре и скажи, — уговаривал Рутитов. — Сперва место, а то, мол, я так не очень-то верю. Место получишь, а там и венчайся, с кем вздумаешь. Вот ты лучше из моих сестер возьми, — три, любую выбирай. Барышни образованные, умные, без лести сказать, не чета Варваре. Она им в подметки не годится.

— Ну-у... — промычал Передонов.

— Верно. Что твоя Варвара? Вот, понюхай.

Рутилов наклонился, оторвал шерстистый стебель белены, скомкал его вместе с листьями и грязно-белыми цветами и, растирая все это пальцами, поднес к носу Передонова. Тот поморщился от неприятного, тяжелого запаха. Рутилов говорил:

— Растереть да бросить, — вот и Варвара твоя. Она и мои сестры — это, брат, две большие разницы. Бойкие барышни, живые, — любую возьми, не даст заснуть. Да и молодые, — самая старшая втрое моложе твоей Варвары.

Все это Рутилов говорил, по обыкновению своему, быстро и весело, улыбаясь, но он, высокий, узкогрудый, казался чahlым и хрупким, и из-под шляпы его, новой и модной, как-то жалко торчали жидкие, коротко остриженные светлые волосы.

— Ну уж и втрое, — вяло возразил Передонов, снимая и протирая золотые очки.

— Да уж верно! — воскликнул Рутилов. — Смотри не зевай, пока я жив, а то они у меня тоже с гонором, — потом захочешь, да поздно будет. А только из них каждая за тебя с превеликим удовольствием пойдет.

— Да, в меня здесь все влюбляются, — с угрюмым самохвальством сказал Передонов.

— Ну, вот видишь, вот ты и лови момент, — убеждал Рутилов.

— Мне бы, главное, не хотелось, чтобы она была сухопарая, — с тоскою в голосе сказал Передонов. — Жирненькую бы мне.

— Да уж на этот счет ты не беспокойся, — горячо говорил Рутилов. — Они и теперь барышни пухленькие, а если не совсем вошли в объем, так это только до поры до времени. Выйдут замуж, и они раздобрееют, как старшая. Лариса-то у нас, сам знаешь, какая кулебяка стала.

— Я бы женился, — сказал Передонов, — да боюсь, что Варя большой скандал устроит.

— Боишься скандала, так ты вот что сделай, — с хитрою улыбкою сказал Рутилов, — сегодня же венчайся,

не то завтра: домой явишься с молодой женой, и вся недолга. Правда, хочешь, я это сварганю завтра же вечером? С какую хочешь?

Передонов внезапно захохотал, отрывисто и громко.

— Ну, идет? по рукам, что ли? — спросил Рутитов.

Передонов так же внезапно перестал смеяться и угрюмо сказал, тихо, почти шепотом:

— Донесет, мерзавка.

— Ничего не донесет, нечего доносить, — убеждал Рутитов.

— Или отравит, — боязливо шептал Передонов.

— Да уж ты во всем на меня положишься, — горячо уговаривал его Рутитов, — я все так тонко обстрою тебе...

— Я без приданого не женюсь, — сердито крикнул Передонов.

Рутитова несколько не удивил новый скачок в мыслях его угрюмого собеседника. Он возразил все с тем же одушевлением:

— Чудак, да разве они бесприданницы! Ну, что же, идет, что ли? Ну, я побегу, все устрою. Только, чур, никому ни гугу, слышишь, никому!

Он потряс руку Передонова и побежал от него. Передонов молча смотрел за ним. Барышни Рутитовы припомнились ему, веселые, насмешливые. Нескромная мысль выдавила на его губы поганое подобие улыбки, — оно появилось на миг и исчезло. Смутное беспокойство поднялось в нем.

«С княгиней-то как же? — подумал он. — За теми гроши, и протекции нет, а с Варварой в инспекторы попадешь, а потом и директором сделают».

Он посмотрел вслед суетливо убегающему Рутитову и злорадно подумал:

«Пусть побегает».

И эта мысль доставила ему вялое и тусклое удовольствие. Но ему стало скучно оттого, что он — один; он надвинул шляпу на лоб, нахмурил светлые брови и то-

ропливо отправился домой по немощеным, пустым улицам, заросшим лежачею мшанкою с белыми цветами да жерухою, травою, затоптанною в грязи.

Кто-то позвал его тихим и быстрым голосом:

— Ардальон Борисыч, к нам зайдите.

Передонов поднял сумрачные глаза и сердито посмотрел за изгородь. В саду за калиткою стояла Наталья Афанасьевна Вершина, маленькая, худенькая, темнокожая женщина, вся в черном, чернобровая, черноглазая. Она курила папироску в черешневом темном мундштуке и улыбалась слегка, словно знала такое, чего не говорят, но чему улыбаются. Не столько словами, сколько легкими, быстрыми движениями зазывала она Передонова в свой сад: открыла калитку, посторонилась, улыбалась просительно и вместе уверенно и показывала руками, — входи, мол, чего стоишь.

И вошел Передонов, подчиняясь ее, словно ворожащим, беззвучным движениям. Но он сейчас же остановился на песчаной дорожке, где в глаза ему бросились обломки сухих веток, и посмотрел на часы.

— Завтракать пора, — проворчал он.

Хотя часы служили ему давно, но он и теперь, как всегда при людях, с удовольствием глянул на их большие золотые крышки. Было без двадцати минут двенадцать. Передонов решил, что можно побыть немного. Угрюмо шел он за Вершиною по дорожкам, мимо опустелых кустов черной и красной смородины, малины, крыжовника.

Сад желтел и пестрел плодами да поздними цветами. Было тут много плодовых и простых деревьев да кустов: невысокие раскидистые яблони, круглолистые груши, липы, вишни с гладкими блестящими листьями, слива, жимолость. На бузиновых кустах краснели ягоды. Около забора густо цвела сибирская герань, — мелкие бледно-розовые цветки с пурпуровыми жилками. Остропестро выставляло из-под кустов свои колючие пурпуровые

головки. В стороне стоял деревянный дом, маленький, серенький, в одно жилье, с широкою обеденкою в сад. Он казался милым и уютным. А за ним виднелась часть огорода. Там качались сухие коробочки мака да бело-желтые крупные чепчики ромашки, желтые головки подсолнечника никли перед увяданием, и между полезными зеляями поднимались зонтики: белые у кокорыша и бледно-пурпуровые у цикутного аистника, цвели светло-желтые лютики да невысокие молочаи.

— У обедни были? — спросила Вершина.

— Был, — угрюмо ответил Передонов.

— Вот и Марта только что вернулась, — рассказывала Вершина. — Она часто в нашу церковь ходит. Уж я и то смеюсь: для кого это, говорю, вы, Марта, в нашу церковь ходите? Краснеет, молчит. Пойдемте, в беседке посидимте, — сказала она быстро и без всякого перехода от того, что говорила раньше.

Среди сада, в тени развесистых кленов, стояла старенькая серенькая беседка, — три ступеньки вверх, обомшалый помост, низенькие стены, шесть точеных пузатых столбов и шестискатная кровелька.

Марта сидела в беседке, еще принаряженная от обедни. На ней было светлое платье с бантиками, но оно к ней не шло. Короткие рукава обнажали островатые красные локти, сильные и большие руки. Марта была, впрочем, недурна. Веснушки не портили ее. Она слыла даже за хорошенькую, особенно среди своих, поляков, — их жило здесь немало.

Марта набивала папиросы для Вершиной. Она нетерпеливо хотела, чтобы Передонов посмотрел на нее и пришел в восхищение. Это желание выдавало себя на ее простодушном лице выражением беспокойной приветливости. Впрочем, оно вытекало не из того, чтобы Марта была влюблена в Передонова: Вершина желала пристроить ее, семья была большая, — и Марте хотелось угодить Вершиной, у которой она жила несколько месяцев, со

дня похорон старика-мужа Вершиной, — угодить за себя и за брата-гимназиста, который тоже гостил здесь.

Вершина и Передонов вошли в беседку. Передонов сумрачно поздоровался с Мартою и сел, — выбрал такое место, чтобы спину защищал от ветра столб и чтобы в уши не надуло сквозняком. Он посмотрел на Мартины желтые башмаки с розовыми помпончиками и подумал, что его ловят в женихи. Это он всегда думал, когда видел барышень, любезных с ним. Он замечал в Марте только недостатки — много веснушек, большие руки и с грубой кожей. Он знал, что ее отец, шляхтич, держал в аренде маленькую деревушку верстах в шести от города. Доходы малые, детей много: Марта кончила прогимназию, сын учился в гимназии, другие дети были еще меньше.

— Пивка позвольте вам налить? — быстро спросила Вершина.

На столе стояли стаканы, две бутылки пива, мелкий сахар в жестяной коробке, ложечка мельхиоровая, замоченная пивом.

— Выпью, — отрывисто сказал Передонов.

Вершина посмотрела на Марту. Марта налила стакан, подвинула его Передонову, и при этом на ее лице играла странная улыбка, не то испуганная, не то радостная. Вершина сказала быстро, точно просыпала слова:

— Положите сахару в пиво.

Марта подвинула к Передонову жестянку с сахаром. Но Передонов досадливо сказал:

— Нет, это — гадость, с сахаром.

— Что вы, вкусно, — однозвучно и быстро уронила Вершина.

— Очень вкусно, — сказала Марта.

— Гадость, — повторил Передонов и сердито поглядел на сахар.

— Как хотите, — сказала Вершина и тем же голосом, без остановки и перехода заговорила о другом: — Черепнин мне надоедает, — сказала она и засмеялась.

Засмеялась и Марта. Передонов смотрел равнодушно: он не принимал никакого участия в чужих делах, — не любил людей, не думал о них иначе, как только в связи со своими выгодами и удовольствиями. Вершина самодовольно улыбнулась и сказала:

— Думает, что я выйду за него.

— Ужасно дерзкий, — сказала Марта, не потому, что думала это, а потому, что хотела угодить и польстить Вершиной.

— Вчера у окна подсматривал, — рассказывала Вершина. — Забрался в сад, когда мы ужинали. Кадка под окном стояла, мы подставили под дождь, — целая натекала. Покрыта была доской, воды не видно, он влез на кадку, да и смотрит в окно. А у нас лампа горит, — он нас видит, а мы его не видим. Вдруг слышим шум. Испугались сначала, выбегаем. А это он провалился в воду. Однако вылез до нас, убежал весь мокрый, — по дорожке так мокрый след. Да мы и по спине узнали.

Марта смеялась тоненьким, радостным смехом, как смеются благонравные дети. Вершина рассказала все быстро и однообразно, словно высыпала, — как она всегда говорила, — и разом замолчала, сидела и улыбалась краем рта, и оттого все ее смуглое и сухое лицо пошло в складки, и черноватые от курева зубы слегка приоткрылись. Передонов подумал и вдруг захохотал. Он всегда не сразу отзывался на то, что казалось ему смешным, — медленны и тупы были его восприятия.

Вершина курила папиросу за папиросою. Она не могла жить без табачного дыма перед ее носом.

— Скоро соседями будем, — объявил Передонов.

Вершина бросила быстрый взгляд на Марту. Та слегка покраснела, с пугливым ожиданием посмотрела на Передонова и сейчас же опять отвела глаза в сад.

— Переезжаете? — спросила Вершина. — Отчего же?

— Далеко от гимназии, — объяснил Передонов.

Вершина недоверчиво улыбалась. Вернее, думала она, что он хочет быть поближе к Марте.

— Да ведь вы там уже давно живете, уже несколько лет, — сказала она.

— Да и хозяйка стерва, — сердито сказал Передонов.

— Будто? — недоверчиво спросила Вершина и криво улыбнулась.

Передонов немного оживился.

— Наклеила новые обои, да скверно, — рассказывал он. — Не подходит кусок к куску. Вдруг в столовой над дверью совсем другой узор, вся комната разводами да цветочками, а над дверью полосками да гвоздиками. И цвет совсем не тот. Мы было не заметили, да Фаластов пришел, смеется. И все смеются.

— Еще бы, такое безобразие, — согласилась Вершина.

— Только мы ей не говорим, что мы выедем, — сказал Передонов и при этом понизил голос. — Найдем квартиру и поедем, а ей не говорим.

— Само собой, — сказала Вершина.

— А то будет, пожалуй, скандалить, — говорил Передонов, и в глазах его отразилось пугливое беспокойство. — Да еще и плати ей за месяц, за такую-то гадость.

Передонов захохотал от радости, что выедет и за квартиру не заплатит.

— Стребует, — заметила Вершина.

— Пусть требует, я не отдам, — сердито сказал Передонов. — Мы в Питер ездили, так не пользовались это время квартирою.

— Да ведь квартира-то за вами оставалась, — сказала Вершина.

— Что ж такое! Она должна ремонт делать, так разве мы обязаны платить за то время, пока не живем? И главное — она ужасно дерзкая.

— Ну, хозяйка дерзкая оттого, что ваша... сестрица уж слишком пылкая особа, — сказала Вершина с легкой заминкою на слове «сестрица».

Передонов нахмурился и тупо глядел перед собою полусонными глазами. Вершина заговорила о другом. Передонов вытащил из кармана карамельку, очистил ее от бумажки и принялся жевать. Случайно взглянул он на Марту и подумал, что она завидует и что ей тоже хочется карамельки.

«Дать ей или не давать? — думал Передонов. — Не стоит она. Или уж разве дать, — пусть не думают, что мне жалко. У меня много, полны карманы».

И он вытащил горсть карамели.

— Натe, — сказал он и протянул леденцы сначала Вершиной, потом Марте, — хорошие бомбошки, дорогие, тридцать копеек за фунт плачены.

Они взяли по одной. Он сказал:

— Да вы больше берите. У меня много, и хорошие бомбошки, — я худого есть не стану.

— Благодарю вас, я не хочу больше, — сказала Вершина быстро и невыразительно.

И те же слова за нею повторила Марта, но как-то нерешительно. Передонов недоверчиво посмотрел на Марту и сказал:

— Ну, как не хотеть! Натe.

И он взял из горсти одну карамельку себе, а остальные положил перед Мартою. Марта молча улыбулась и наклонила голову.

«Невежа, — подумал Передонов, — не умеет поблагодарить хорошенько».

Он не знал, о чем говорить с Мартою. Она была ему нелюбопытна, как все предметы, с которыми не были кем-то установлены для него приятные или неприятные отношения.

Остальное пиво было вылито в стакан Передонову.

Вершина глянула на Марту.

— Я принесу, — сказала Марта.

Она всегда без слов догадывалась, чего хочет Вершина.

— Пошлите Владю, он в саду, — сказала Вершина.

— Владислав! — крикнула Марта.

— Здесь, — отозвался мальчик так близко и так скоро, точно он подслушивал.

— Пива принеси, две бутылки, — сказала Марта, — в сенях в ларе.

Скоро Владислав подбежал бесшумно к беседке, подал через окно Марте пиво и поклонился Передонову.

— Здравствуйте, — хмуро сказал Передонов, — пива сколько бутылок сегодня выдули?

Владислав принужденно улыбнулся и сказал:

— Я не пью пива.

Это был мальчик лет четырнадцати, с веснушчатым, как у Марты, лицом, похожий на сестру, неловкий, мешкотный в движениях. Одет он был в блузу сурового полотна.

Марта шепотом заговорила с братом. Оба они смеялись. Передонов подозрительно посматривал на них. Когда при нем смеялись и он не знал, о чем, он всегда предполагал, что это над ним смеются. Вершина забеспокоилась. Уже она хотела окликнуть Марту. Но сам Передонов спросил злым голосом:

— Чему смеетесь?

Марта вздрогнула, повернулась к нему и не знала, что сказать. Владислав улыбался, глядя на Передонова, и слегка краснел.

— Это невежливо, при гостях, — выговаривал Передонов. — Надо мной смеетесь? — спросил он.

Марта покраснела, Владислав испугался.

— Извините, — сказала Марта, — мы вовсе не над вами. Мы о своем.

— Секрет, — сердито сказал Передонов. — При гостях невежливо о секретах разговаривать.

— Да не то что секрет, — сказала Марта, — а мы тому, что Владя — босиком и не может войти сюда — стесняется.

Передонов успокоился, стал выдумывать шутки над Владею, потом угостил и его карамелькою.

— Марта, принесите мой черный платок, — сказала Вершина, — да загляните заодно в кухню, как там пирог.

Марта послушно вышла. Она поняла, что Вершина хочет говорить с Передоновым, и была рада, ленивая, что не к спеху.

— А ты иди подальше, — сказала Вершина Владе, — нечего тебе тут болтаться.

Владя побежал, и слышно было, как песок шуршит под его ногами. Вершина осторожно и быстро посмотрела вбок на Передонова сквозь непрерывно выпускаемый ею дым. Передонов сидел молча, глядел прямо перед собою затуманенным взором и жевал карамельку. Ему было приятно, что те ушли, — а то, пожалуй, опять бы засмеялись. Хотя он и узнал наверное, что смеялись не над ним, но в нем осталась досада, — так после прикосновения жгучей крапивы долго остается и возрастает боль, хотя уже крапива и далече.

— Что вы не женитесь? — вдруг часто и быстро заговорила Вершина. — Чего еще ждете, Ардальон Борисыч! Варвара ваша вам не пара, извините, прямо скажу.

Передонов провел рукою по слегка растрепанным каштанового цвета волосам и с угрюмою важностью молвил:

— Здесь для меня и нет пары.

— Не скажите, — возразила Вершина и криво улыбнулась. — Здесь есть много лучшее ее, и за вас всякая пойдет.

Она стряхнула пепел с папиросы решительным движением, словно поставила на чем-то утвердительный знак.

— Всякой мне не надо, — ответил Передонов.

— Не о всякой и речь, — быстро говорила Вершина. — Да вам ведь не за приданым гнаться, была бы девушка хорошая. Вы сами получаете достаточно, слава богу.

— Нет, — возразил Передонов, — мне выгоднее на Варваре жениться. Ей княгиня протекцию обещала. Она

даст мне хорошее место, — говорил Передонов с угрюмым одушевлением.

Вершина слегка улыбалась. Все ее морщинистое и темное, словно прокопченное табаком, личико выражало снисходительную недоверчивость. Она спросила:

— Да вам она говорила это, княгиня-то?

С ударением на слове «вам».

— Не мне, а Варваре, — признался Передонов, — да это все равно.

— Уж слишком вы полагаетесь на слова вашей сестрицы, — злорадно говорила Вершина. — Ну а скажите, она много старше вас? Лет на пятнадцать? Или больше? Ведь ей под пятьдесят?

— Ну, где там, — досадливо сказал Передонов, — тридцати еще нет.

Вершина засмеялась.

— Скажите, пожалуйста, — с нескрываемою насмешкою в голосе сказала она, — а на вид она гораздо старше вас. Конечно, это не мое дело, а только со стороны жалко, что такой хороший молодой человек должен жить не так, как бы он заслуживал по своей красоте и душевным качествам.

Передонов самодовольно оглядывал себя. Но не было улыбки на его румянном лице, и казалось, что он обижен тем, что не все его понимают, как Вершина. А Вершина продолжала:

— Вы и без протекции далеко пойдете. Неужто не оценит начальство! Что ж вам за Варвару держать! Да и не из Рутиловых же барышень вам жену брать: они — легкомысленные, а вам надо жену степенную. Вот бы взяли мою Марту.

Передонов посмотрел на часы.

— Пора домой, — сказал он и стал прощаться.

Вершина была уверена, что Передонов уходит потому, что она задела его за живое и что он из нерешительности только не хочет говорить теперь о Марте.

II

Варвара Дмитриевна Малошина, сожительница Передонова, ждала его, неряшливо одетая, но тщательно набеленная и нарумяненная.

Пеклись к завтраку пирожки с вареньем: Передонов их любил. Варвара бегала по кухне вперевалку, на высоких каблуках и торопилась все к его приходу приготовить. Варвара боялась, что служанка, — рябая, толстая девица Наталья, — украдет пирожок, а то и больше. Поэтому Варвара не выходила из кухни и, по обыкновению, бранила служанку. На ее морщинистом лице, хранившем следы былой красоты, неизменно лежало брюзгливо-жадное выражение.

Как всегда при возвращении домой, Передонова охватили недовольство и тоска. Он вошел в столовую шумно, швырнул шляпу на подоконник, сел к столу и крикнул:

— Варя, подавай!

Варвара носила кушанья из кухни, проворно ковыляя в узких из щегольства башмаках, и прислуживала Передонову сама. Когда она принесла кофе, Передонов наклонился к дымящемуся стакану и понюхал. Варвара встревожилась и пугливо спросила его:

— Что ты, Ардальон Борисыч? Пахнет чем-нибудь кофе?

Передонов угрюмо взглянул на нее и сказал сердито:

— Нюхаю, не подсыпано ли яду.

— Да что ты, Ардальон Борисыч! — испуганно сказала Варвара. — Господь с тобой, с чего ты это выдумал?

— Омегу набуровила! — ворчал он.

— Что мне за корысть травить тебя, — убеждала Варвара, — полно тебе петрушку валять!

Передонов долго еще нюхал, наконец успокоился и сказал:

— Уж если есть яд, так тяжелый запах непременно услышишь, только поближе нюхнуть, в самый пар.

Он помолчал немного и вдруг вымолвил злобно и насмешливо:

— Княгиня!

Варвара заволновалась:

— Что княгиня? Что такое княгиня?

— А то княгиня, — говорил Передонов, — нет, пусть она сперва даст место, а уж потом и я женюсь. Ты ей так и напиши.

— Ведь ты знаешь, Ардальон Борисыч, — заговорила Варвара убеждающим голосом, — что княгиня обещает, только когда я выйду замуж. А то ей за тебя неловко просить.

— Напиши, что мы уж повенчались, — быстро сказал Передонов, радуясь выдумке. Варвара опешила было, но скоро нашлась и сказала:

— Что же врать, — ведь княгиня может справиться. Нет, ты лучше назначь день свадьбы. Да и платье пора шить.

— Какое платье? — угрюмо спросил Передонов.

— Да разве в этом затрапезе венчаться? — крикнула Варвара. — Давай же денег, Ардальон Борисыч, на платье-то.

— Себе в могилу готовишь? — злобно спросил Передонов.

— Скотина ты, Ардальон Борисыч! — укоризненно воскликнула Варвара.

Вдруг Передонову захотелось подразнить Варвару. Он спросил:

— Варвара, знаешь, где я был?

— Ну, где? — беспокойно спросила Варвара.

— У Вершиной, — сказал он и захохотал.

— Нашел себе компанию, — злобно крикнула Варвара, — нечего сказать!

— Видел Марту, — продолжал Передонов.

— Вся в веснушках, — с возрастающею злобою говорила Варвара, — и рот до ушей, хоть лягушке пришей.

— Да уж красивее тебя, — сказал Передонов. — Вот возьму да и женюсь на ней.

— Женись только на ней, — закричала Варвара, красная и дрожащая от злости, — я ей глаза кислотой выжгу!

— Плевать я на тебя хочу, — спокойно сказал Передонов.

— Не проплюнешь! — кричала Варвара.

— А вот и проплюну, — сказал Передонов.

Встал и с тупым и равнодушным видом плюнул ей в лицо.

— Свинья! — сказала Варвара довольно спокойно, словно плевком освежил ее.

И принялась обтираться салфеткою. Передонов молчал. В последнее время он стал с Варварою грубее обыкновенного. Да и раньше он обходился с нею дурно. Ободренная его молчанием, она заговорила погромче:

— Право, свинья. Прямо в морду попал.

В передней послышался блеющий, словно бараний голос.

— Не ори, — сказал Передонов, — гости.

— Ну, это Павлушка, — ухмыляясь, отвечала Варвара.

Вошел с радостным громким смехом Павел Васильевич Володин, молодой человек, весь, и лицом и ухватками удивительно похожий на барашка: волосы, как у барашка, курчавые, глаза выпуклые и тупые, — все, как у веселого барашка, — глупый молодой человек. Он был столяр, обучался раньше в ремесленной школе, а теперь служил учителем ремесла в городском училище.

— Ардальон Борисыч, дружище! — радостно закричал он. — Ты дома, кофеек распиваешь, а вот и я, тут как тут.

— Наташка, носи третью ложку! — крикнула Варвара. Слышно было из кухни, как Наталья звенела единственную оставшеюся чайною ложкою: остальные были спрятаны.

— Ешь, Павлушка, — сказал Передонов, и видно было, что ему хочется накормить Володина. — А я, брат,

уж теперь скоро в инспекторы пролезу, — Варя княгиня обещала.

Володин заликовал и захохотал.

— А, будущий инспектор кофеек распивает! — закричал он, хлопая Передонова по плечу.

— А ты думаешь, легко в инспекторы вылезть? Доне-сут — и крышка.

— Да что доносить-то? — ухмыляясь, спросила Варвара.

— Мало ли что. Скажут, что я Писарева читал, — и ау!

— А вы, Ардальон Борисыч, этого Писарева на заднюю полочку, — посоветовал Володин, хихикая.

Передонов опасливо глянул на Володина и сказал:

— У меня, может быть, никогда и не было Писарева. Хочешь выпить, Павлушка?

Володин выпятил нижнюю губу, сделал значительное лицо знающего себе цену человека и сказал, по-бараньи наклоня голову:

— Если за компанию, то я всегда готов выпить, а так — ни-ни.

А Передонов тоже всегда готов был выпить. Выпили водки, закусили сладкими пирожками.

Вдруг Передонов плеснул остаток кофе из стакана на обои. Володин вытаращил свои бараньи глазки и огляделся с удивлением. Обои были испачканы, изодраны. Володин спросил:

— Что это у вас обои?

Передонов и Варвара захохотали.

— Назло хозяйке, — сказала Варвара. — Мы скоро выедем. Только вы не болтайте.

— Отлично! — крикнул Володин и радостно захохотал.

Передонов подошел к стене и принялся колотить по ней подошвами. Володин по его примеру тоже лягал стену. Передонов сказал:

— Мы всегда, когда едим, пакостим стены, — пусть помнит.

— Каких лепех насажал! — с восторгом восклицал Володин.

— Иришка-то как обалдеет, — сказала Варвара с сухим и злым смехом.

И все трое, стоя перед стеною, плевали на нее, рвали обои и колотили их сапогами. Потом, усталые и довольные, отошли.

Передонов нагнулся и поднял кота. Кот был толстый, белый, некрасивый. Передонов теребил его — дергал за уши, за хвост, тряс за шею. Володин радостно хохотал и подсказывал Передонову, что еще можно сделать.

— Ардальон Борисыч, дунь ему в глаза! Погладь его против шерсти!

Кот фыркал и старался вырваться, но не смел показать когтей — за это его жестоко били. Наконец забава Передонову наскучила, и он бросил кота.

— Слушай, Ардальон Борисыч, что я тебе хотел сказать, — заговорил Володин. — Всю дорогу думал, как бы не забыть, и чуть не забыл.

— Ну? — угрюмо спросил Передонов.

— Вот ты любишь сладкое, — радостно говорил Володин, — а я такое кушанье знаю, что ты пальчики оближешь.

— Я сам все вкусные кушанья знаю, — сказал Передонов.

Володин сделал обиженное лицо.

— Может быть, — сказал он, — вы, Ардальон Борисыч, знаете все вкусные кушанья, которые делают у вас на родине, но как же вы можете знать все вкусные кушанья, которые делаются у меня на родине, если вы никогда на моей родине не были?

И, довольный убедительностью своего возражения, Володин засмеялся, заблеял.

— На твоей родине дохлых кошек жрут, — сердито сказал Передонов.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — визгливым и смеющимся голосом говорил Володин, — это, может быть,

на вашей родине изволят кушать дохлых кошек, этого мы не будем касаться, а только ерлов вы никогда не кушали.

— Нет, не кушал, — признался Передонов.

— Что же это за кушанье такое? — спросила Варвара.

— А это вот что, — стал объяснять Володин, — знаете вы кутью?

— Ну, кто кутьи не знает, — ухмыляясь, ответила Варвара.

— Так вот, пшенная кутья, с изюмцем, с сахарцем, с миндалем, — это и есть ерлы.

И Володин подробно рассказал, как варят на его родине ерлы. Передонов слушал тоскливо. Кутья, — что ж, его в покойники, что ли, хочет записать Павлушка?

Володин предложил:

— Если вы хотите, чтоб все было как следует, вы дайте мне материал, а я вам и сварю.

— Пусти козла в огород, — угрюмо сказал Передонов.

«Еще подсыплет чего-нибудь», — подумал он.

Володин опять обиделся.

— Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что я у вас стяну сахарцу, так вы ошибаетесь, — мне вашего сахарцу не надо.

— Ну, что там валять петрушку, — перебила Варвара. — Ведь вы знаете, у него все привереды. Приходите и варите.

— Сам и есть будешь, — сказал Передонов.

— Это почему же? — дребезжащим от обиды голосом спросил Володин.

— Потому что гадость.

— Как вам угодно, Ардальон Борисыч, — пожимая плечами, сказал Володин, — а только я вам хотел угодить, а если вы не хотите, то как хотите.

— А как тебя генерал-то отбрил? — спросил Передонов.

— Какой генерал? — ответил вопросом Володин и покраснел и обиженно выпятил нижнюю губу.

— Да слышали, слышали, — говорил Передонов.

Варвара ухмылялась.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — горячо заговорил Володин, — вы слышали, да, может быть, недослышали. Я вам расскажу, как все это дело было.

— Ну, рассказывай, — сказал Передонов.

— Это было дело третьего дня, — рассказывал Володин, — об эту самую пору. У нас в училище, как вам известно, производится в мастерской ремонт. И вот, изволите видеть, приходит Верига с нашим инспектором осматривать, а мы работаем в задней комнате. Хорошо. Я не касаюсь, зачем Верига пришел, что ему надо, — это не мое дело. Положим, я знаю, что он — предводитель дворянства, а к нашему училищу касательства не имеет, — но я этого не трогаю. Приходит — и пусть, мы им не мешаем, работаем себе помаленьку, — вдруг они к нам входят, и Верига, изволите видеть, в шапке.

— Это он тебе неуважение оказал, — угрюмо сказал Передонов.

— Изволите видеть, — обрадованно подхватил Володин, — и у нас образ висит, и мы сами без шапок, а он вдруг является таким мамелюком. Я ему и изволил сказать, тихо, благородно: ваше превосходительство, говорю, потрудитесь вашу шапочку снять, потому, говорю, как здесь образ. Правильно ли я сказал? — спросил Володин и вопросительно вытаращил глаза.

— Ловко, Павлушка, — крикнул Передонов, — так ему и надо.

— Конечно, что им спускать, — поддержала и Варвара. — Молодец, Павел Васильевич.

Володин с видом напрасно обиженного человека продолжал:

— А он вдруг изволил мне сказать: всякий сверчок знай свой шесток. Повернулся и вышел. Вот как все дело было, и больше никаких.

Володин чувствовал себя все-таки героем. Передонов в утешение дал ему карамельку.

Пришла и еще гостя, Софья Ефимовна Преполовенская, жена лесничего, полная, с добродушно-хитрым лицом и плавными движениями. Ее посадили завтракать. Она лукаво спросила Володина:

— Что это вы, Павел Васильевич, так зачастили к Варваре Дмитриевне?

— Я не к Варваре Дмитриевне изволил прийти, — скромно ответил Володин, — а к Ардальону Борисычу.

— Уж не влюбились ли вы в кого-нибудь? — посмеиваясь, спрашивала Преполовенская.

Всем известно было, что Володин искал невесты с приданым, сватался ко многим и получал отказ. Шутка Преполовенской показалась ему неуместною. Дрожащим голосом, напоминая всею своею повадкою разобиженно-го баранчика, он сказал:

— Если я влюбился, Софья Ефимовна, то это ни до кого не касается, кроме меня самого и той особы, а вы таким манером выходите в сторонке.

Но Преполовенская не унималась.

— Смотрите, — говорила она, — влюбите вы в себя Варвару Дмитриевну, кто тогда Ардальону Борисычу сладкие пирожки станет печь?

Володин выпятил губы, поднял брови и уже не знал, что сказать.

— Да вы не робейте, Павел Васильевич, — продолжала Преполовенская, — чем вы не жених! И молоды, и красивы.

— Может быть, Варвара Дмитриевна и не захотят, — сказал Володин, хихикая.

— Ну как не захотят, — ответила Преполовенская, — уж больно вы скромны некстати.

— А может быть, и я не захочу, — сказал Володин, ломаясь. — Я, может быть, не хочу на чужих сестрицах жениться. У меня, может быть, на родине своя двоюродная племянница растет.

Уже он начал верить, что Варвара не прочь за него выйти. Варвара сердилась. Она считала Володина дура-

ком; да и получал он вчетверо меньше, чем Передонов. Преполовенской же хотелось женить Передонова на своей сестре, дебелой поповне. Поэтому она старалась поссорить Передонова с Варварою.

— Что вы меня сватаете, — досадливо сказала Варвара, — вот вы лучше вашу меньшую за Павла Васильевича сватайте.

— Зачем же я стану его от вас отбивать! — шутливо возразила Преполовенская.

Шутки Преполовенской дали новый оборот медленным мыслям Передонова; да и ерлы крепко засели в его голове. С чего это Володин выдумал такое кушанье? Передонов не любил размышлять. В первую минуту он всегда верил тому, что ему скажут. Так поверил он и влюбленности Володина в Варвару. Он думал: вот окрутят с Варварой, а там, как поедут на инспекторское место, отравят его в дороге ерлами и подменят Володиным: его похоронят как Володина, а Володин будет инспектором. Ловко придумали!

Вдруг в передней послышался шум. Передонов и Варвара испугались: Передонов неподвижно оставил на дверь прищуренные глаза. Варвара подкралась к двери в залу, едва приоткрыла ее, заглянула, потом так же тихо, на цыпочках, балансируя руками и растерянно улыбаясь, вернулась к столу. Из передней доносились визгливые крики и шум, словно там боролись. Варвара шептала:

— Ершиха — пьяная-распьяная, Наташка ее не пускает, а она в залу так и прет.

— Как же быть? — испуганно спросил Передонов.

— Надо перейти в залу, — решила Варвара, — чтоб она сюда не залезла.

Пошли в залу, а двери за собой плотно закрыли. Варвара вышла в прихожую со слабою надеждою задержать хозяйку или посадить ее в кухню. Но нахальная баба ворвалась-таки в залу. Она, подбочась, остановилась у порога и сыпала ругательные слова в виде общего приветст-

вия. Передонов и Варвара суетились около нее и старались усадить ее на стул поближе к прихожей да подальше от столовой. Варвара вынесла ей из кухни на подносе водки, пива, пирожков. Но хозяйка не садилась, ничего не брала и рвалась в столовую, да только никак не могла признать, где дверь. Она была красная, растрепанная, грязная, и от нее далеко пахло водкою. Она кричала:

— Нет, ты меня за свой стол посади. Что ты мне выносишь на подносе! Я на скатертке хочу. Я — хозяйка, так ты меня почти. Ты не гляди, что я — пьяная. Зато я — честная, я — своему мужу жена.

Варвара, трусливо и нагло ухмыляясь, сказала:

— Да уж мы знаем.

Ершова подмигнула Варваре, хрипло захохотала и ухарски щелкнула пальцами. Она становилась все более дерзкою.

— Сестра! — кричала она. — Знаем мы, какая ты есть сестра. А отчего к тебе директорша не ходит? а? что?

— Да ты не кричи, — сказала Варвара.

Но Ершова закричала еще громче:

— Как ты можешь мне указывать! Я в своем дому, что хочу, то и делаю. Захочу — и сейчас вас выгоню вон, и чтобы духу вашего не пахло. Но только я к вам милостива. Живите, ничего, только чтоб не фордыбачить.

Меж тем Володин и Преполовенская скромненько посиживали у окна да помалкивали. Преполовенская легонечко усмехалась, посматривала искоса на буянку, а сама притворялась, что глядит на улицу. Володин сидел с обиженно-значительным выражением на лице.

Ершова на время пришла в благодушное настроение и дружелюбно сказала Варваре, пьяно и весело улыбаясь ей и похлопывая ее по плечу:

— Нет, ты меня послушай-ка, что я тебе скажу, — ты меня за свой стол посади да барского разговорцу мне поставь. Да поставь ты мне сладких жамочек, почти хозяйки домовую, так-то, милая ты моя девушка.

— Вот тебе пирожки, — сказала Варвара.

— Не хочу пирожков, хочу барских жамочек, — закричала Ершова, размахивая руками и блаженно улыбаясь, — вкусные жамочки господа жрут, и-их вкусные!

— Нет у меня никаких тебе жамочек, — отвечала Варвара, делаясь смелее оттого, что хозяйка становилась веселее, — вот, дают тебе пирожки, так и жри.

Вдруг Ершова разобрала, где дверь в столовую. Она неистово взревела:

— Дай дорогу, ехидина!

Оттолкнула Варвару и кинулась к двери. Ее не успели удержать. Наклонив голову, сжав кулаки, ворвалась она в столовую, с треском распахнув дверь. Там она остановилась близ порога, увидела испачканные обои и пронзительно засвистала. Она подбоченилась, лихо отставила ногу и неистово крикнула:

— А, так вы и в самом деле хотите съезжать!

— Что ты, Иринья Степановна, — дрожащим голосом говорила Варвара, — мы и не думаем, полно тебе петрушку валять.

— Мы никуда не уедем, — подтверждал Передонов, — нам и здесь хорошо.

Хозяйка не слушала, подступала к оторопелой Варваре и размахивала кулаками у ее лица. Передонов держался позади Варвары. Он бы и убежал, да любопытно было посмотреть, как хозяйка и Варвара подерутся.

— На одну ногу стану, за другую дерну, пополам разорву! — свирепо кричала Ершова.

— Да что ты, Иринья Степановна, — уговаривала Варвара, — перестань, у нас гости.

— А подавай сюда гостей! — закричала Ершова. — Гостей-то твоих мне и нужно!

Ершова, шатаясь, ринулась в залу и, вдруг переменяя совершенно и речь и все свое обращение, смиренно сказала Преполовенской, низко кланяясь ей, причем едва не свалилась на пол:

— Барыня милая, Софья Ефимовна, простите вы меня, бабу пьяную. А только, что я вам скажу, послушайте-ка. Вот вы к ним ходите, а знаете, что она про вашу сестрицу говорит? И кому же? Мне, пьяной сапожнице! Зачем? Чтобы я всем рассказала, вот зачем!

Варвара багрово покраснела и сказала:

— Ничего я тебе не говорила.

— Ты не говорила? Ты, касть поганая? — закричала Ершова, подступая к Варваре со сжатыми кулаками.

— Ну, замолчи, — смущенно пробормотала Варвара.

— Нет, не замолчу, — злорадно крикнула Ершова и опять обратилась к Преполовенской. — Что она с вашим мужем будто живет, ваша сестра, вот что она мне говорила, паскудная.

Софья сверкнула сердитыми и хитрыми глазами на Варвару, встала и сказала с притворным смехом:

— Благодарю покорно, не ожидала.

— Врешь! — злобно взвизгнула на Ершову Варвара.

Ершова сердито гукнула, топнула и махнула рукою на Варвару и сейчас же снова обратилась к Преполовенской:

— Да и барин-то про вас, матушка-барыня, что говорит! Что вы будто раньше таскались, а потом замуж вышли! Вот они какие есть, самые мерзкие люди! Плюньте вы им в морды, барыня хорошая, чем с такими расподлыми людишками возжаться.

Преполовенская покраснела и молча пошла в прихожую. Передонов побежал за нею, оправдываясь:

— Она врет, вы ей не верьте. Я только раз сказал при ней, что вы — дура, да и то со злости, а больше, ей-богу, ничего не говорил, — это она сама сочинила.

Преполовенская спокойно отвечала:

— Да что вы, Ардальон Борисыч! Ведь я вижу, что она пьяная, сама не помнит, что мелет. Только зачем вы все это позволяете в своем доме?

— Вот поди знай, — ответил Передонов, — что с нею сделаешь!

Преполовенская, смущенная и сердитая, надевала кофту. Передонов не догадался помочь ей. Еще он бормотал что-то, но уже она не слушала его. Тогда Передонов вернулся в залу. Ершова принялась крикливо упрекать его. Варвара выбежала на крыльцо и утешала Преполовенскую:

— Ведь вы знаете, какой он дурак, — что говорит, сам не знает.

— Ну, полноте, что вы беспокоитесь, — отвечала ей Преполовенская. — Мало ли что пьяная баба сболтнет.

Около дома, на дворе, куда выходило крыльцо, росла крапива, густая, высокая. Преполовенская слегка улыбнулась, и последняя тень недовольства сбежала с ее белого и полного лица. Она по-прежнему стала приветлива и любезна с Варварою. Обида будет отомщена и без ссоры. Вместе пошли они в сад переждать хозяйкино нашествие.

Преполовенская все посматривала на крапиву, которая и в саду обильно росла вдоль заборов. Она сказала наконец:

— Крапивы-то у вас сколько. Вам она не нужна?

Варвара рассмеялась и ответила:

— Ну вот, на что мне она!

— Коли вам не жалко, надо у вас нарвать, а то у нас нету, — сказала Преполовенская.

— Да на что она вам? — с удивлением спросила Варвара.

— Да уж надо, — сказала Преполовенская, посмеиваясь.

— Душечка, скажите, на что? — взмолилась любопытная Варвара.

Преполовенская, наклонившись к Варварину уху, шепнула:

— Крапивой натирать — с тела не спадешь. От крапивы-то и моя Геничка такая толстуха.

Известно было, что Передонов отдает предпочтение жирным женщинам, а тощих порицает. Варвару сокру-

шало, что она тонка и все худеет. Как бы нагулять побольше жиру? — вот в чем была одна из главнейших ее забот. У всех спрашивала она: не знаете ли средства? Теперь Преполовенская была уверена, что Варвара по ее указанию будет усердно натираться крапивой и так сама себя накажет.

III

Передонов и Ершова вышли на двор. Он бормотал:
— Вот поди ж ты.

Она кричала во все горло и была веселая. Они собирались плясать. Преполовенская и Варвара пробрались через кухню в горницы и сели у окна смотреть, что будет на дворе.

Передонов и Ершова обнялись и пустились в пляс по траве кругом груши. Лицо у Передонова по-прежнему оставалось тупым и не выражало ничего. Механически, как на неживом, прыгали на его носу золотые очки и короткие волосы на его голове. Ершова повизгивала, покрикивала, помахивала руками и вся шаталась.

Она крикнула Варваре в окно:

— Эй, ты, фря, выходи плясать! Ай гнушаешься нашей компанией?

Варвара отвернулась.

— Черт с тобой! Уморилась! — крикнула Ершова, повалилась на траву и увлекла с собою Передонова.

Они посидели, обнявшись, потом опять заплясали. И так несколько раз повторялось: то попляшут, то отдохнут под грушею, на скамеечке или прямо на траве.

Володин искренне веселился, глядя из окна на пляшущих. Он хохотал, строил уморительные гримасы, корчился, сгибал колени вверх и вскрикивал:

— Эк их разбирает! Потеха!

— Стерва проклятая! — сердито сказала Варвара.

— Стерва, — согласился Володин, хохоча, — погоди ж, хозяйшкa любезная, я тебе удружу. Давайте пачкать и в зале. Теперь уже все равно сегодня не вернется, упа-точится там на травке, пойдет спать.

Он залился блеющим смехом и запрыгал бараном. Преполовенская подстрекала:

— Конечно, пачкайте, Павел Васильевич, что ей в зубы смотреть. Если и придет, так ей можно будет ска-зать, что это она сама с пьяных глаз так отделала.

Володин, прыгая и хохоча, побежал в залу и принялся шаркать подошвами по обоям.

— Варвара Дмитриевна, дайте веревочку, — закричал он.

Варвара, ковыляя, словно утка, пошла через залу в спальню и принесла оттуда конец веревки, измочален-ный и узловатый. Володин сделал петлю, поставил среди залы стул и подвесил петлю на крюк для лампы.

— Это для хозяйки! — кричал он. — Чтoб было на чем повеситься со злости, когда вы уедете.

Обе дамы визжали от хохота.

— Дайте бумажки клочок, — кричал Володин, — и ка-рандашик.

Варвара порылась еще в спальне и вынесла оттуда обры-вок бумажки и карандаш. Володин написал: «для хозяйки» и прицепил бумажку к петле. Все это делал он с потешны-ми ужимками. Потом он снова принялся неистово прыгать вдоль стен, попирая их подошвами и весь сотрясаясь при этом. Визгом его и блеющим хохотом был наполнен весь дом. Белый кот, испуганно прижав уши, выглядывал из спальни и, по-видимому, не знал, куда бы ему бежать.

Передонов отвязался наконец от Ершовой и возвра-тился домой один, — Ершова и точно утомилась и пошла домой спать. Володин встретил Передонова радостным хохотом и криком:

— И в зале напачкали! Ура!

— Ура! — закричал Передонов и захохотал громко и отрывисто, словно выпаливая свой смех.

Закричали «ура» и дамы. Началось общее веселье. Передонов крикнул:

— Павлушка, давай плясать!

— Давай, Ардальоша, — глупо хихикая, ответил Володин.

Они плясали под петлею, и оба нелепо вскидывали ноги. Пол вздрагивал под тяжелыми стопами Передонова.

— Расплясался Ардальон Борисыч, — заметила Преполовенская, легонечко улыбаясь.

— Уж и не говорите, у него все причуды, — ворчливо ответила Варвара, любуясь, однако, Передоновым.

Она искренно думала, что он — красавец и молодец. Самые глупые поступки его казались ей подходящими. Он не был ей ни смешон, ни противен.

— Отпевайте хозяйку! — кричал Володин. — Давайте подушку!

— Чего ни придумают! — смеясь, говорила Варвара.

Она выкинула из спальни подушку в грязной ситцевой наволочке. Подушку положили на пол за хозяйку и стали ее отпевать дикими, визгливыми голосами. Потом позвали Наталью, заставили ее вертеть аристон, а сами, все четверо, танцевали кадрили, нелепо кривляясь и высоко вскидывая ноги.

После пляски Передонов расщедрился. Одушевление, тусклое и угрюмое, светилось на его заплывшем лице. Им овладела решимость, почти механическая, — может быть, следствие усиленной мышечной деятельности. Он вытащил бумажник, отсчитал несколько кредиток и, с лицом, гордым и самохвальным, бросил их по направлению к Варваре.

— Бери, Варвара! — крикнул он. — Шей себе подвенечное платье.

Кредитки разлетелись по полу. Варвара живо подобрали их. Она нисколько не обиделась на такой способ дарения. Преполовенская злобно думала: «Ну, мы еще посмотрим, чья возьмет», — и ехидно улыбалась. Во-

лодин, конечно, не догадался помочь Варваре поднять деньги.

Скоро Преполовенская ушла. В сенях она встретилась с новой гостью, Грушиною.

Марья Осиповна Грушина, молодая вдова, имела как-то преждевременно опустившуюся наружность. Она была тонка, и сухая кожа ее вся покрылась морщинками, мелкими и словно запыленными. Лицо, не лишенное приятности, — а зубы грязные и черные. Руки тонкие, пальцы длинные и цепкие, под ногтями грязь. На беглый взгляд она не то чтоб казалась очень грязною, а производила такое впечатление, словно она никогда не моется, а только выколачивается вместе со своими платьями. Думалось, что если ударить по ней несколько раз камышевкой, то поднимется до самого неба пыльный столб. Одежда на ней висела мятыми складками, словно сейчас только вынутая из туго завязанного узла, где долго лежала скомканная. Жила Грушина пенсиею, мелким комиссионерством и отдачею денег под залог недвижимостей. Разговоры вела по преимуществу нескромные и привязывалась к мужчинам, желая найти жениха. В ее доме постоянно занимал комнату кто-нибудь из холостых чиновников.

Варвара встретила Грушину радостно: было до нее дело. Грушина и Варвара сейчас же принялись говорить о прислуге и зашептались. Любопытный Володин подсел к ним и слушал. Передонов угрюмо и одиноко сидел за столом и мял руками конец скатерти.

Варвара жаловалась Грушиной на свою Наталью. Грушина указала ей новую прислугу, Клавдию, и расхвалила ее. Решили ехать за нею сейчас же, на Самородину-речку, где она жила пока у акцизного чиновника, на днях получившего перевод в другой город. Варвару остановило только имя. Она с недоумением спросила:

— Клавдия? А ейкать-то ее как же я стану? Клашка, что ли?

Грушина посоветовала:

— А вы ее зовите Клавдюшкой.

Варваре это понравилось. Она повторила:

— Клавдюшка, дюшка.

И смеялась скрипучим смехом. Надо заметить, что дюшками в нашем городе называют свиней. Володин захрюкал. Все захохотали.

— Дюшка, дюшенька, — лепетал меж приступами смеха Володин, корча глупое лицо и выпячивая губы.

И он хрюкал и дурачился до тех пор, пока ему не сказали, что он надоел. Тогда он отошел с обиженным лицом, сел рядом с Передоновым и, по-бараньи склонив свой крутой лоб, усталый на испачканную пятнами скатерть.

Заодно по дороге на Самородину-речку Варвара решила купить и материю для подвенечного платья. Она всегда ходила по магазинам вместе с Грушиной: та помогла ей сделать выбор и сторговаться.

Крадучись от Передонова, Варвара напихала Грушиной в глубокие карманы для ее детей разного кушанья, сладких пирожков, гостинцев. Грушина догадалась, что ее услуги сегодня на что-то очень понадобятся Варваре.

Узкие башмаки и высокие каблуки не давали Варваре много ходить. Она скоро уставала. Поэтому она чаще ездила на извозчиках, хотя больших расстояний в нашем городе не было. В последнее время она зачастила к Грушиной. Извозчики уж заприметили это; их и всех-то было десятка два. Сажая Варвару, уж и не спрашивали, куда везти.

Уселись на дрожки и поехали к господам, у которых жила Клавдия, осведомляться о ней. На улицах было почти везде грязно, хотя дождь прошел еще вчера вечером. Дрожки только изредка продребезжат по каменной настилке и опять вязнут в липкой грязи на немощеных улицах.

Зато Варварин голос дребезжал непрерывно, часто сопровождаемый сочувственной болтовнею Грушиной.

— Мой-то гусь опять был у Марфушки, — сказала Варвара.

Грушина ответила с сочувственной злостью:

— Это они его ловят. Еще бы, жених-то хоть куда, особенно ей-то, Марфушке. Ей такого и во сне не снилось.

— Уж не знаю, право, как и быть, — жаловалась Варвара, — ершистый такой стал, что просто страх. Поверите ли, голова кругом идет. Женится, а я на улицу ступай.

— Что вы, голубушка, Варвара Дмитриевна, — утешала Грушина, — не думайте этого. Никогда он ни на ком, кроме вас, не женится. Он к вам привык.

— Уйдет иногда к ночи, а я заснуть не могу, — говорила Варвара. — Кто его знает, может быть, венчается где-нибудь. Иногда всю ночь промаешься. Все на него зарятся: и ругиловские три кобылы, — ведь они всем на шею вешаются, — и Женька толсторожая.

И долго жаловалась Варвара, и по всему ее разговору Грушина видела, что у нее еще что-то есть, какая-то просьба, и заранее радовалась заработку.

Клавдия понравилась. Жена акцизного ее хвалила. Ее наняли и велели приходить сегодня же вечером, так как акцизный уезжал сегодня.

Наконец приехали к Грушиной. Грушина жила в собственном домике, довольно неряшливо, с тремя малыми своими ребятишками, обтрепанными, грязными, глупыми и злыми, как ошпаренные собачонки. Откровенный разговор только теперь начался.

— Мой-то дурак Ардальошка, — заговорила Варвара, — требует, чтобы я опять княгине написала. А чего я ей попусту писать стану! Она и не ответит или ответит неладное. Знакомство-то не больно великое.

Княгиня Волчанская, у которой Варвара когда-то жила домашнею портнихой для простых работ, могла бы оказать Передонову покровительство: ее дочь была замужем за тайным советником Щепкиным, важную в учебном ведомстве особую. Она уже писала Варваре в ответ на ее

просьбы в прошлом году, что не станет просить за Варварина жениха, а за мужа — другое дело, при случае можно будет попросить. То письмо Передонова не удовлетворило: там дана только неясная надежда, а не сказано прямо, что непременно княгиня выхлопочет Варварину мужу инспекторское место. Чтобы разъяснить это недоумение, ездили нынче в Петербург; Варвара ходила к княгине, потом повела к ней Передонова, но нарочно оттянула это посещение, так что уже не застали княгиню: Варвара поняла, что княгиня в лучшем случае ограничится только советом повенчаться поскорее да несколькими неопределенными обещаниями при случае попросить, — обещаниями, которые были бы совсем недостаточны для Передонова. И Варвара решила не показывать княгиню Передонову.

— Уж я на вас как на каменную гору надеюсь, — сказала Варвара, — помогите мне, голубушка Марья Осиповна.

— Как же я могу помочь, душечка Варвара Дмитриевна? — спросила Грушина. — Уж вы знаете, я для вас все готова сделать, что только можно. Поворожить не хотите ли?

— Ну, что ваша ворожка, знаю я, — сказала со смехом Варвара, — нет, вы мне иначе должны помочь.

— Как же? — с тревожно-радостным ожиданием спросила Грушина.

— Очень просто, — сказала, ухмыляясь, Варвара, — вы напишите письмо, будто бы от княгини, под ее руку, а я покажу Ардальону Борисычу.

— Ой, голубушка, что вы, как это можно! — заговорила Грушина, притворяясь испуганною, — как узнают все это дело, что мне тогда будет?

Варвара нисколько не смутилась ее ответом, вытащила из кармана измятое письмо и сказала:

— Вот я и письмо княгинино взяла вам для образца.

Грушина долго отнекивалась. Варвара ясно видела, что Грушина согласится, но что ей хочется получить за это побольше. А Варваре хотелось дать поменьше. И она осторожно увеличивала посулы, наобещала разных мелких по-

дарков, шелковое старое платье, и наконец Грушина увидела, что уж больше Варвара ни за что не даст. Жалобные слова так и сыпались с Варварина языка. Грушина сделала вид, что соглашается только из жалости, и взяла письмо.

IV

В бильярдной было дымно накурено. Передонов, Рутитов, Фаластов, Володин и Мурин — помещик громадного роста, с глупою наружностью, владелец маленького имения, человек оборотливый и денежный, — все пятеро, окончив игру, собирались уходить.

Вечерело. На грязном дощатом столе возвышалось много опорожненных пивных бутылок. Игроки, много за игрою выпившие, раскраснелись и пьяно галдели. Рутитов один сохранял обычную чахлую бледность. Он и пил меньше других, да и после обильной выпивки только бы еще больше побледнел.

Грубые слова носились в воздухе. Никто на это не обижался: по дружбе.

Передонов проиграл, как почти всегда. Он плохо играл на бильярде. Но он сохранял на своем лице невозмутимую угрюмость и расплачивался с неохотою. Мурин громко крикнул:

— Пли!

И прицелился в Передонова кием. Передонов крикнул от страха и присел. В его голове мелькнула глупая мысль, что Мурин хочет его застрелить. Все захохотали. Передонов досадливо пробормотал:

— Терпеть не могу таких шуток.

Мурин уже раскаивался, что испугал Передонова: его сын учился в гимназии, и потому он считал своею обязанностью всячески угождать гимназическим учителям. Теперь он стал извиняться перед Передоновым и угощал его вином и сельтерскою.

Передонов угрюмо сказал:

— У меня нервы немного расстроены. Я директором нашим недоволен.

— Проигрался будущий инспектор, — блеющим голосом закричал Володин, — жаль денежек!

— Несчастлив в игре — счастлив в любви, — сказал Рутилов, посмеиваясь и показывая гниловатые зубы.

Передонов и без того был не в духе из-за проигрыша и от испуга, да еще его принялись дразнить Варварою.

Он крикнул:

— Женюсь, а Варьку вон!

Прятели хохотали и поддразнивали:

— А вот и не посмеешь.

— А вот посмею. Завтра же пойду свататься.

— Пари! идет? — предложил Фаластов. — На десять рублей.

Но Передонову жаль стало денег, — проиграешь, пожалуй, так платить придется. Он отвернулся и угрюмо отмалчивался.

У ворот из сада расстались и разошлись в разные стороны. Передонов и Рутилов пошли вместе. Рутилов принялся уговаривать Передонова сейчас же венчаться на одной из его сестер.

— Я все наладил, не беспокойся, — твердил он.

— Оглашения не было, — отговаривался Передонов.

— Я все наладил, говорю тебе, — убеждал Рутилов. — Попа такого нашел: он знает, что вы не родня.

— Шаферов нет, — сказал Передонов.

— Ну вот, нет. Шаферов достанем сейчас же, пошлю за ними, они и приедут прямо в церковь. Или сам за ними заеду. А раньше нельзя было, сестрица твоя узнала бы и помешала.

Передонов замолчал и тоскливо озирался по сторонам, где темнели редкие, молчаливые дома за дремотными садишками да шаткими изгоролями.

— Ты только постой у ворот, — убедительно говорил Рутитов, — я тебе любую выведу, которую хошь. Ну, послушай, я тебе сейчас докажу. Ведь дважды два — четыре, так или нет?

— Так, — отвечал Передонов.

— Ну вот, дважды два — четыре, что тебе следует жениться на моей сестре.

Передонов был поражен.

«А ведь и правда, — подумал он, — конечно, дважды два — четыре». И он с уважением посмотрел на рассудительного Рутитова. «Придется венчаться! С ним не сговоришь».

Приятели в это время подошли к рутитовскому дому и остановились у ворот.

— Нельзя же нахрапом, — сердито сказал Передонов.

— Чудак, ждут не дождутся, — воскликнул Рутитов.

— Да я-то, может быть, не хочу.

— Ну вот, не хочешь, чудород! Что ж, ты век бобылем жить станешь? — уверенно возразил Рутитов. — Или в монастырь собираешься? Или еще Варя не опротивела? Нет, ты подумай только, какую она рожу скорчит, если ты молодую жену приведешь.

Передонов отрывисто и коротко захохотал, но сейчас же нахмурился и сказал:

— Да и они, может быть, не хотят.

— Ну как не хотят, чудак! — отвечал Рутитов. — Уж я даю тебе слово.

— Они гордые, — придумывал Передонов.

— Да тебе-то что! Еще лучше.

— Насмешницы.

— Да ведь не над тобой, — убеждал Рутитов.

— Почем я знаю!

— Да уж ты мне поверь, я тебя не обману. Они тебя уважают. Ведь ты не Павлушка какой-нибудь, чтоб над тобой смеяться.

— Да, поверь тебе, — недоверчиво сказал Передонов. — Нет, я хочу сам уверяться, что они надо мной не смеются.

— Вот чудак, — с удивлением сказал Рутилов, — да как же они смеют смеяться? Ну, как же ты, однако, хочешь увериться?

Передонов подумал и сказал:

— Пусть выйдут сейчас же на улицу.

— Ну ладно, это можно, — согласился Рутилов.

— Все трое, — продолжал Передонов.

— Ну ладно.

— И пусть каждая скажет, чем она мне угождать будет.

— Зачем же это? — с удивлением спросил Рутилов.

— Вот я и увижу, что они хотят, а то вы меня за нос поведете, — объяснил Передонов.

— Никто тебя за нос не поведет.

— Они надо мной, может быть, посмеяться хотят, — рассуждал Передонов, — а вот пусть выйдут, потом уж они коли захотят смеяться, так и я буду над ними смеяться.

Рутилов подумал, передвинул шляпу на затылок и опять на лоб и наконец сказал:

— Ну, погоди, пойду скажу им. Вот-то чудодей! Только ты во двор войди пока, а то еще кого-нибудь черт понесет по улице, увидят.

— Наплевать, — сказал Передонов, но все же вошел за Рутиловым в калитку.

Рутилов отправился в дом к сестрам, а Передонов остался ждать на дворе.

В гостиной, угловой к воротам горнице, сидели все четыре сестры, все на одно лицо, все похожие на брата, все миловидные, румяные, веселые: замужняя Лариса, спокойная, приятная, полная; вертлявая да быстрая Дарья, самая высокая и тонкая из сестер; смешливая Людмила и Валерия, маленькая, нежная, хрупкая на вид. Они лакомились орехами да изюмом и, очевидно, чего-то

ждали, а потому волновались и смеялись более обычного, вспоминали последние городские сплетни и осмеивали знакомых и незнакомых.

Уже с утра они были готовы ехать под венец. Оставалось только надеть приличное к венцу платье да приколоть фату и цветы. О Варваре сестры не вспоминали в своих разговорах, как будто ее и на свете нет. Но уже одно то, что они, беспощадные насмешницы, перемывая косточки всем, не обмолвились во весь день ни одним словечком только о Варваре, одно это доказывало, что неловкая мысль о ней гвоздем сидит в голове каждой из сестриц.

— Привел! — объявил Рутилов, входя в гостиную. — У ворот стоит.

Сестры взволнованно поднялись и все разом заговорили и засмеялись.

— Только есть заковычка, — сказал Рутилов, посмеиваясь.

— Что, что такое? — спросила Дарья.

Валерия досадливо нахмурила свои красивые, темные брови.

— Уж не знаю, говорить ли? — спросил Рутилов.

— Ну, скорее, скорее! — торопила Дарья.

С некоторым смущением Рутилов рассказал о том, чего желает Передонов. Барышни подняли крик и взапуски принялись бранить Передонова. Но мало-помалу их негодующие крики заменились шутками и смехом, Дарья сделала угрюмо-ожидательное лицо и сказала:

— Вот он так стоит у ворот.

Вышло похоже и забавно.

Барышни стали выглядывать из окна к воротам. Дарья приоткрыла окно и крикнула:

— Ардальон Борисыч, а из окошка сказать можно?

Послышался угрюмый голос:

— Нельзя.

Дарья поспешно захлопнула окно. Сестры расхохотались звонко и неудержимо и убежали из гостиной

в столовую, чтобы Передонов не услышал. В этом веселом семействе умели от самого сердитого настроения переходить к смеху и шуткам, и веселое слово зачастую решало дело.

Передонов стоял и ждал. Ему было грустно и страшно. Подумывал он убежать, да не решился и на это. Откуда-то очень издалека доносилась музыка: должно быть, предводителя дочь играла на рояле. Слабые, нежные звуки лились в вечернем тихом, темном воздухе, наводили грусть, рождали сладкие мечты.

Сначала мечты Передонова приняли эротическое направление. Он представлял барышень Рутиловых в самых соблазнительных положениях. Но чем дальше продолжалось ожидание, тем больше Передонов испытывал раздражение, — зачем заставляют его ждать. И музыка, едва задев его мертвенно-грубые чувства, умерла для него.

А вокруг спустилась ночь, тихая, шуршащая зловещими подходами и пошептами. И еще темнее казалось везде оттого, что Передонов стоял в пространстве, освещенном лампою в гостиной, свет от которой двумя полосами ложился на двор, расширяясь к соседскому забору, за которым виднелись темные бревенчатые стены. В глубине двора подозрительно темнели и шептались о чем-то деревья рутиловского сада. На улицах по мосткам где-то недалеко долго слышались чьи-то замедленные, тяжелые шаги. Передонов начал уже бояться, что, пока он тут стоит, на него нападут и ограбят, а то так и убьют. Он прижался к самой стене, в тень, чтобы его не видели, и робко ждал.

Но вот по освещенным полосам на дворе пробежали длинные тени, захлопали двери, послышались за дверью на крыльце голоса. Передонов оживился. «Идут!» — радостно подумал он, и приятные мечты о красотках-сестрицах опять лениво зашевелились в его голове, — паскудные детища его скудного воображения.

Сестры стояли в сенях. Рутилов вышел на двор к воротам и огляделся, не идет ли кто по улице.

Никого не было ни видно, ни слышно.

— Никого нет, — громким шепотом сказал он сестрам в сложенные трубою руки.

Он остался сторожить на улице. Вместе с ним вышел на улицу и Передонов.

— Ну вот, сейчас они тебе скажут, — сказал Рутитов.

Передонов стоял у самой калитки и смотрел в щель меж калиткою и приворотным столбом. Лицо его было угрюмо и почти испуганно, и всякие мечты и думы погасли в его голове и сменились тяжелым, беспредметным вожделением. Дарья первая подошла к приотворенной калитке.

— Ну, чем же вам угодить? — спросила она.

Передонов угрюмо молчал. Дарья сказала:

— Я вам блины буду превкусные печь, горячие, только не подавитесь.

Людмила из-за ее плеча крикнула:

— А я каждое утро буду по городу ходить, все сплетни собирать, а потом вам рассказывать. Превесело.

Между веселыми лицами двух сестер показалось на миг капризное, тонкое Валерочкино лицо, и послышался ее хрупкий голосок:

— А я ни за что не скажу, чем вам ужогу, — догадывайтесь сами.

Сестры побежали, заливаясь хохотом. Голоса их и смех затихли за дверьми. Передонов отвернулся от калитки. Он был не совсем доволен. Он думал: «Болтнули что-то и ушли. Дали бы лучше записочки». Но уже поздно тут стоять и ждать.

— Ну, видел? — спросил Рутитов. — Которую же тебе?

Передонов погрузился в размышление. Конечно, сообразил он наконец, надо выбирать самую молоденькую. Что же ему на перестарке жениться!

— Веди Валерию, — решительно сказал он.

Рутитов отправился домой, а Передонов опять вошел во двор.

Людмила выглядывала тайком в окно, стараясь услышать, что говорят, но ничего не услышала. Вот прозвучали шаги по мосткам на дворе. Сестры притихли и сидели взволнованные и смущенные. Вошел Рутитов и объявил:

— Валерию выбрал. Ждет, — стоит у ворот.

Сестры зашумели, засмеялись. Валерия слегка побледнела.

— Вот, вот, — повторяла она, — очень я хочу, очень мне надо.

Ее руки дрожали. Ее стали наряжать, — все три сестры хлопотали около нее. Она, как всегда, жеманилась и медлила. Сестры ее торопили. Рутитов неустанно болтал, радостно и возбужденно. Ему нравилось, что все это дело он так ловко устроил.

— А извозчиков ты приготовил? — озабоченно спросила Дарья.

Рутитов отвечал с досадою:

— Да разве можно? Весь город сбежался бы. Варвара бы его за волосы оттащила к себе.

— Так как же мы?

— А так, до площади дойдем попарно, а там и найдем. Очень просто. Сперва ты с невестой да Лариса с женихом, — да и то не сразу, а то еще увидит кто в городе. А я с Людмилой за Фаластовым заеду, они вдвоем поедут, а я еще Володина прихвачу.

Передонов, оставшись один, погрузился в сладкие мечтания. Ему грезилась Валерия в обаянии брачной ночи, раздетая, стыдливая, но веселая. Вся тоненькая, сублинная.

Мечтал, а сам таскал из кармана заваливавшиеся там карамельки и сосал их.

Потом пришло ему на память, что Валерия — кокетка. «Ведь она, — подумал он, — потребует нарядов, обстановки. Уж тогда, пожалуй, деньги придется не откладывать каждый месяц, а и прикопленное растра-

чивать». А жена-то станет привередничать, а за кухней, пожалуй, и недоглядит. А еще на кухне подсыпят ему яду, — Варя со злости подкупит кухарку. «Да и вообще, — думал Передонов, — уж слишком тонкая штучка — Валерия. К такой не знаешь, как и подступиться. Как ее обругаешь? Как ее толканешь? Как на нее плюнешь? Изойдет слезами, осрамит на весь город. Нет, страшно с нею связываться. Вот Людмила, так та проще. Не взять ли ее?»

Передонов подошел к окну и стукнул палкою в раму. Через полминуты Рутилов высунулся из окна.

— Чего тебе? — спросил он с беспокойством.

— Передумал, — буркнул Передонов.

— Ну! — испуганно крикнул Рутилов.

— Веди Людмилу, — сказал Передонов.

Рутилов отошел от окна.

— Черт очкастый, — проворчал он и пошел к сестрам.

Валерия обрадовалась.

— Твое счастье, Людмила, — весело сказала она.

Людмила принялась хохотать — упала в кресло, откинулась на спинку и хохотала, хохотала.

— Что ему сказать-то? — спрашивал Рутилов. — Согласна, что ли?

Людмила от смеха не могла сказать ни слова и только махала руками.

— Да, согласна, конечно, — сказала за нее Дарья. — Скажи ему скорее, а то еще уйдет сдуру, не дождется.

Рутилов вышел в гостиную и сказал шепотом в окно:

— Погоди, сейчас будет готова.

— Да живее, — сердито сказал Передонов, — что там копаются!

Людмилу проворно наряжали. Минут через пять она была уже совсем готова.

Передонов думал о ней. Она — веселая, сдобная. Только уж очень любит хохотать. Засмеет, пожалуй. Страшно. Дарья, хоть и бойкая, а все же посolidнее

и потише. А тоже красивая. Лучше взять ее. Он опять стукнул в окно.

— Стучит опять, — сказала Лариса, — уж не за тобой ли, Дарья?

— Вот черт-то! — выругался Рутитов и побежал к окну. — Чего еще? — сердитым шепотом спросил он. — Опять передумал, что ли?

— Веди Дарью, — отвечал Передонов.

— Ну, подожди, — свирепо прошептал Рутитов.

Передонов стоял и думал о Дарье, — и опять недолгое любование ею в воображении сменилось страхом. Уж очень она быстрая и дерзкая. Затормошит. Да и чего тут стоять и ждать? — подумал он. Еще простудишься. Во рву на улице, в траве под забором, может быть, кто-нибудь прячется, вдруг выскочит и укокошит. И тоскливо стало Передонову. Ведь они бесприданницы, думал он. Протекции у них в учебном ведомстве нет. Варвара нажалуется княгине. А на Передонова и так директор зубы точит.

Досадно стало Передонову на самого себя. С чего он тут путается с Рутитовым? Словно Рутитов очаровал его. Да, может быть, и в самом деле очаровал его. Надо поскорее зачураться.

Передонов закружился на месте, плевал во все стороны и бормотал:

— Чур-чурашки, чурки-болвашки, буки-букашки, веди-таракашки. Чур меня. Чур меня. Чур, чур, чур. Чур-перечур-расчур.

На лице его изображалось строгое внимание, как при совершении важного обряда. И после этого необходимого действия он почувствовал себя в безопасности от рутитовского наваждения. Решительно застучал он палкой в окно, сердито бормоча:

— Донести бы, — заманивают. Нет, не хочу сегодня жениться, — объявил он высунувшемуся к нему Рутитову.

— Да что ты, Ардальон Борисыч, ведь уже все готово, — пытался убеждать Рутилов.

— Не хочу, — решительно сказал Передонов, — пойдем ко мне в карты играть.

— Вот черт-то! — выругался Рутилов. — Не хочет венчаться, струсил, — объявил он сестрам. — Но я еще уломаю дурака. Зовет к себе в карты играть.

Сестры закричали все разом, браня Передонова.

— И ты пойдешь к этому прохвосту? — с досадою спросила Валерия.

— Ну да, пойду и возьму с него штраф. И он еще от нас не уйдет, — говорил Рутилов, стараясь сохранить уверенный тон, но чувствуя себя очень неловко.

Досада на Передонова быстро заменилась у девиц смехом. Рутилов ушел. Сестры побежали к окнам.

— Ардальон Борисыч! — крикнула Дарья. — Что ж вы такой нерешительный? Так нельзя.

— Кисляй Кисляевич! — с хохотом крикнула Людмила.

Передонову стало досадно. По его мнению, сестры должны бы плакать от печали, что он их отверг. «Притворяются!» — подумал он, молча уходя со двора. Девушки перебежали к окнам на улицу и кричали вслед Передонову насмешливые слова, пока он не скрылся в темноте.

V

Передонова томила тоска. Уже и карамелек не было в кармане, и это его опечалило и раздосадовало. Рутилов почти всю дорогу говорил один — продолжал выхвалять сестер. Передонов только однажды вступил в разговор. Он сердито спросил:

— У быка есть рога?

— Ну есть, так что же из того? — сказал удивленный Рутилов.

— Ну а я не хочу быть быком, — объяснил Передонов. Раздосадованный Рутилов сказал:

— Ты, Ардальон Борисыч, и не будешь никогда быком, потому что ты — форменная свинья.

— Врешь! — угрюмо сказал Передонов.

— Нет, не вру и могу доказать, — злорадно сказал Рутилов.

— Докажи, — потребовал Передонов.

— погоди, докажу, — с тем же злорадством в голосе ответил Рутилов.

Оба замолчали. Передонов пугливо ждал, и томила его злость на Рутилова.

Вдруг Рутилов спросил:

— Ардальон Борисыч, а у тебя есть пяточок?

— Есть, да тебе не дам, — злобно ответил Передонов. Рутилов захохотал.

— Коли у тебя есть пяточок, так как же ты не свинья! — крикнул он радостно.

Передонов в ужасе хватился за нос.

— Врешь, какой у меня пяточок, у меня человечья харя, — бормотал он.

Рутилов хохотал. Передонов, сердито и трусливо поглядывая на Рутилова, сказал:

— Ты меня сегодня нарочно над дурманом водил да и одурманил, чтобы с сестрами окрутить. Мало мне одной ведьмы, на трех разом венчаться!

— Чудород, да как же я-то не одурманился? — спросил Рутилов.

— Ты средство знаешь, — говорил Передонов. — Ты, может быть, через рот дышал, а в нос не пускал, или слова такие говорил, а я ничего не знаю, как надо против волшебства. Я не чернокнижник. Пока не зачурался, все одурманенный стоял.

Рутилов хохотал.

— Как же ты чурался? — спрашивал он.

Но уже Передонов молчал.

— Что ты за Варвару так уцепился? — говорил Рутитлов. — Ты думаешь, хорошо тебе будет, если ты через нее получишь место? Она тебя оседлает.

Это было непонятно Передонову.

«Ведь она для себя старается, — думал он. — Ей самой будет лучше, когда он будет начальником и будет получать много денег. Значит, не он ей, а она ему должна быть благодарна. Да и во всяком случае с нею ему удобнее, чем с кем бы то ни было другим».

Передонов привык к Варваре. Его тянуло к ней, — может быть, вследствие приятной для него привычки издеваться над нею. Другую такую ведь и на заказ бы не найти.

Было уже поздно. У Передонова в квартире горели лампы, окна ярко выделялись в уличной темноте.

Вокруг чайного стола сидели гости: Грушина, — она же теперь еженедничала у Варвары, — Володин, Преполовенская, ее муж, Константин Петрович, высокий человек лет под сорок, матово-бледный, черноволосый и необычайно молчаливый. Варвара принарядилась, — надела белое платье. Пили чай, беседовали. Варвару, как всегда, беспокоило, что Передонов долго не возвращался. Володин с веселым блеющим хохотом рассказал, что Передонов пошел куда-то с Рутитловым. Это увеличило Варварино беспокойство.

Наконец явился Передонов с Рутитловым. Их встретили криком, смехом, глупыми, нескромными шутками.

— Варвара, а где же водка? — сердито крикнул Передонов.

Варвара метнулась из-за стола, виновато ухмыляясь, и быстро принесла водку в большом, грубо граненном графине.

— Выпьем, — угрюмо пригласил Передонов.

— Подожди, — сказала Варвара, — Клавдюшка закуску принесет. Копа, шевелись! — крикнула она в кухню.

Но уже Передонов разливал водку по рюмкам и бормотал:

— Чего ждуть, время не ждет.

Выпили и закусили пирожками с черносмородинным вареньем. У Передонова, чтобы занимать гостей, только и было в запасе, что карты да водка. Так как за карты сесть еще нельзя было — чай надо было пить, — то оставалась водка.

Меж тем принесли и закуску, так что можно было и еще выпить. Клавдия, уходя, не затворила двери, и Передонов забеспокоился.

— Вечно двери настежь, — ворчал он.

Он боялся сквозняка, — простудиться можно.

Поэтому в квартире всегда было душно и смрадно.

Преполовенская взяла яйцо.

— Хорошие яйца, — сказала она, — где вы их достаете?

Передонов сказал:

— Это еще что яйца, а вот в нашем имении у отца курица по два крупных яйца в день круглый год несла.

— Что ж такое, — ответила Преполовенская, — эка невидаль, нашли чем хвастать! У нас в деревне была курица, несла в день по два яйца и по ложке масла.

— Да, да, и у нас тоже, — сказал Передонов, не замечая насмешки. — Если носят другие, так и она несла. У нас выдающаяся была.

Варвара засмеялась.

— Петрушку валяют, — сказала она.

— Уши вянут, такой вздор вы несете, — сказала Грушина.

Передонов свирепо посмотрел на нее и ответил с ожесточением:

— А коли вянут, оборвать их надо.

Грушина смутилась.

— Ну, уж вы, Ардальон Борисыч, всегда такое скажете! — жалобно сказала она.

Остальные сочувственно смеялись. Володин, щуря глаза и потягивая лбом, смешливо объяснял:

— Если у вас уши вянут, то вам их оборвать надо, а то нехорошо, коли они у вас завянут и так мотаться будут, туда-сюда, туда-сюда.

Володин показал пальцами, как будут мотаться вялые уши. Грушина прикрикнула на него:

— Ну уж вы туда же, сами ничего придумать не умеете, на готовенькое прохаживаетесь!

Володин обиделся и сказал с достоинством:

— Я и сам могу, Марья Осиповна, а только как мы в компании приятно время проводим, то отчего же не поддержать чужую шутку! А если это вам не нравится, то как вам будет угодно, — как вы к нам изволите, так и мы к вам изволим.

— Резонно, Павел Васильевич, — со смехом одобрил его Рутилов.

— Уж Павел Васильевич за себя постоит, — с лукавою усмешкою сказала Преполовенская.

Варвара отрезала кусок булки и, заслушавшись затейливых речей Володина, держала нож в руке. Острие сверкало. Передонову стало страшно, — а ну как вдруг зарежет. Он крикнул:

— Варвара, положи нож!

Варвара вздрогнула.

— Чего кричишь, испугал! — сказала она и положила нож. — Ведь вы знаете, у него все привереды, — объяснила она молчаливому Преполовенскому, видя, что он поглаживает бороду и собирается что-то сказать.

— Это бывает, — сладостным и грустным голосом заговорил Преполовенский, — у меня был один знакомый, так тот иголок боялся, все боялся, что его уколут и иголочка уйдет во внутренности. И ужасно боялся, представьте, как увидит иголочку...

И, раз начавши говорить, уже он не мог остановиться и все на разные лады пересказывал одно и то же, пока его не перебил кто-то, заговорив о другом. Тогда он опять погрузился в молчание.

Грушина перевела разговор на эротические темы. Она рассказала, как ее ревновал покойник-муж и как она ему изменила. Потом рассказала слышанную от столичного знакомого историю о любовнице некоего высокопоставленного лица, как она ехала по улице и встретила своего покровителя.

— Она ему и кричит: здравствуй, Жанчик! Это на улице-то! — рассказывала Грушина.

— А вот я на вас донесу, — сердито сказал Передонов, — разве можно про таких знатных лиц такие глупости болтать?

Грушина испуганно залепетала:

— Да ведь я что ж, — мне так рассказывали. За что купила, за то и продаю.

Передонов сердито молчал и пил чай с блюдечка, налегая на стол локтями. Он думал, что в доме будущего инспектора не подобает непочтительно говорить о вельможах. Он злился на Грушину. Еще досадовал его и был ему подозрителен Володин: что-то уж слишком часто называл он Передонова будущим инспектором. Один раз Передонов даже сказал Володину:

— Что, брат, завидно небось! Да, вот ты не будешь инспектором, а я буду.

На это Володин, придав своему лицу внушительное выражение, возразил:

— Всякому свое, Ардальон Борисыч, — вы в своем деле специалист, а я в своем.

— А Наташа-то наша, — сообщила Варвара, — от нас прямо к жандармскому поступила.

Передонов вздрогнул, и лицо его выразило ужас.

— Врешь? — вопросительно сказал он.

— Ну вот, чего мне врать, — ответила Варвара, — хоть сам поди к нему, спроси.

Это неприятное известие подтвердила и Грушина. Передонов был ошеломлен. Наскажет чего и не было,

а жандармский на ус наматает и, пожалуй, напишет в министерство. Это скверно.

В это самое время глаза Передонова остановились на полочке над комодом. Там стояло несколько переплетенных книг: тонкие — Писарева и потолще — «Отечественные Записки». Передонов побледнел и сказал:

— Книги-то эти надо спрятать, а то донесут.

Раньше эти книги Передонов держал на виду, чтобы показать, что у него свободные мнения, — хотя на самом деле он не имел ни мнений, ни даже охоты к размышлениям. И эти книги он только держал, а не читал. Давно уже не прочел он ни одной книги, — говорил, что некогда, — газет не выписывал, новости узнавал из разговоров. Впрочем, и узнавать ему нечего было, — ничто во внешнем мире его не занимало. Над подписчиками на газеты он даже издевался как над расточителями денег и времени. Дорого, подумаешь, было для него его время!

Он пошел к полочке, бормоча:

— Уж у нас такой город, сейчас донесут. Помоги-ка, Павел Васильевич, — сказал он Володину.

Володин подошел к нему с серьезным и понимающим лицом и осторожно принимал книги, которые передавал ему Передонов. Себе взял Передонов пачку книг поменьше, Володину дал побольше и пошел в залу, а Володин за ним.

— Куда же вы их спрячете, Ардальон Борисыч? — спросил он.

— А вот увидишь, — с обычной угрюмостью ответил Передонов.

— Что же это вы потащили, Ардальон Борисыч? — спросила Преполовенская.

— Строжайше запрещенные книги, — ответил Передонов на ходу. — Донесут, коли увидят.

В зале Передонов присел на корточки перед печкою, свалил книги на железный лист, — и Володин сделал то же, — и принялся с усилием запихивать книгу за книгу в неширокое отверстие. Володин сидел на корточках

рядом с ним, немного позади, и подавал ему книги, сохраняя глубокомысленное и понимающее выражение на своем бараньем лице с выпяченными из важности губами и склоненным от избытка понимания крутым лбом. Варвара заглядывала на них через дверь. Со смехом сказала она:

— Пошел валять петрушку!

Но Грушина остановила ее:

— Ой, голубушка, Варвара Дмитриевна, вы так не говорите, — за это большие неприятности могут быть, коли узнают. Особенно если учитель. Начальство страсть как боится, что учителя мальчишек бунтовать научат.

Напились чаю и уселись играть в стуколку, все семеро вокруг ломберного стола в зале. Передонов играл с азартом, но плохо. Каждое двадцатое число ему приходилось уплачивать дань своим соучастникам в игре, особенно Преполовенскому; этот получал и за себя, и за жену. В выигрыше чаще всего были Преполовенские. У них были условленные знаки, — постукивание, покашливание, — посредством которых они обменивались известиями о своих картах. Сегодня Передонову сразу не повезло. Он спешил отыграться, а Володин медлил сдавать и тщательно уравнивал карты.

— Павлушка, сдавай, — нетерпеливо крикнул Передонов.

Володин, чувствуя себя в игре особою, равною всем остальным, сделал значительное лицо и спросил:

— То есть как это Павлушка? По дружбе или как?

— По дружбе, по дружбе, — небрежно ответил Передонов, — только сдавай скорее.

— Ну, если по дружбе, то я рад, я очень рад, — говорил Володин с радостным и глупым смехом, сдавая карты, — ты хороший человек, Ардаша, и я тебя очень даже люблю. А если бы не по дружбе, то это был бы другой разговор. А если по дружбе, то я рад. Я тебе туза сдал за это, — сказал Володин и открыл козыря.

Туз, точно, оказался у Передонова, но не козырный, и подвел его под ремиз.

— Сдал! — сердито ворчал Передонов. — Туз, да не тот. Под руку говоришь. Надо было козырного, а ты что сдал? На что мне тиковый пуз?

— На что тебе тиковый пуз, у тебя свое пузо растет, — подхватил со смехом Рутилов.

— Будущий инспектор язычком заплетается, — пуз, пуз, карапуз.

Рутилов непрерывно болтал, сплетничал, рассказывал анекдоты, иногда весьма щекотливого содержания. Чтобы подразнить Передонова, он стал уверять, что гимназисты плохо себя ведут, особенно те, которые живут на квартирах: курят, пьют водку, ухаживают за девицами. Передонов верил. И Грушина поддерживала. Ей эти рассказы доставляли особое удовольствие: она сама хотела было, после смерти мужа, держать у себя на квартире трех-четырёх гимназистов, но директор не разрешил ей, несмотря на ходатайство Передонова, — о Грушиной в городе была дурная слава. Теперь она принялась бранить хозяек тех квартир, где жили гимназисты.

— Они взятки дают директору, — заявила она.

— Хозяйки все стервы, — убежденно сказал Володин, — вот хоть моя. У нас с нею был такой уговор, когда я комнату нанимал, что она будет давать мне вечером три стакана молока. Хорошо, месяц, другой так мне и подавали.

— И ты не опился? — спросил Рутилов со смехом.

— Зачем же опиваться! — обиженно возразил Володин. — Молоко — полезный продукт. Я и привык три стакана выпивать на ночь. Вдруг вижу, приносят мне два стакана. Это, спрашиваю, почему же? Прислуга говорит: Анна Михайловна, говорят, просят извинить, что коровка у них, говорит, нынче мало молока дает. А мне-то что за дело! Уговор дороже денег. У них совсем коровка не даст молочка, так мне и кушать не дадут? Ну, я гово-

рю, если нет молока, то скажите Анне Михайловне, что я прошу дать мне стакан воды. Я привык кушать три стакана, мне двух стаканов мало.

— Павлушка у нас герой, — сказал Передонов. — Расскажи-ка, брат, как ты с генералом сцепился.

Володин охотно повторил рассказ. Но теперь его подняли на смех. Он обиженно выпятил нижнюю губу.

За ужином все напились допьяна, даже и женщины. Володин предложил еще попачкать стены. Все обрадовались: немедленно, еще не кончив есть, принялись за дело и неистово забавлялись. Плевали на обои, обливали их пивом, пускали в стены и в потолок бумажные стрелы, запачканные на концах маслом, лепили на потолок чертей из жеваного хлеба. Потом придумали рвать полоски из обоев на азарт, — кто длиннее вытянет. На этой игре Преполовенские еще выиграли рубля полтора.

Володин проиграл. От этого проигрыша и опьянения он внезапно загрустил и стал жаловаться на свою мать. Он сделал укоризненное лицо и, толкая зачем-то вниз рукою, говорил:

— И зачем она меня родила? И что она тогда думала? Какая теперь моя жизнь! Она мне не мать, а только родительница. Потому как настоящая мать заботится о своем детище, а моя только родила меня и отдала на казенное воспитание с самых малых лет.

— Зато вы обучились, вышли в люди, — сказала Преполовенская.

Володин уставился вниз лбом, покачивая головою, и говорил:

— Нет, уж какая моя жизнь, — самая последняя жизнь. И зачем она меня родила? она тогда думала?

Вчерашние ерлы вдруг опять припомнились Передонову. «Вот, — думал он про Володина, — на свою мать жалуется, зачем она его родила, — не хочет быть Павлушкой. Видно, и в самом деле завидует. Может быть, уже и подумывает жениться на Варваре и влезть в мою

шкуру», — думал Передонов и тоскливо смотрел на Володина.

Хоть бы женить его на ком-нибудь.

Ночью, в спальне, Варвара говорила Передонову:

— Ты думаешь, все эти девки, что за тобою вяжутся, молоденькие, так и хорошенькие? Они все дряни, я их всех красивее.

Она поспешно разделась и, нахально ухмыляясь, показала Передонову свое слегка раскрашенное, стройное, красивое и гибкое тело.

Хотя Варвара шаталась от опьянения и лицо ее во всяком свежем человеке возбудило бы отвращение своим дрябло-похотливым выражением, но тело у нее было прекрасное, как тело у нежной нимфы, с приставленною к нему, силою каких-то презренных чар, головою увядающей блудницы. И это восхитительное тело для этих двух пьяных и грязных людишек являлось только источником низкого соблазна. Так это часто и бывает, — и воистину в нашем веке надлежит красоте быть попанной и поруганной.

Передонов угрюмо хохотал, глядя на свою голую подругу.

Всю эту ночь ему снились дамы всех мастей, голые и гнусные.

Варвара поверила, что натирание крапивою, которое она себе сделала по совету Преполовенской, ей помогло. Ей казалось, что она сразу начала полнеть. У всех знакомых она спрашивала:

— Правда, ведь я пополнела?

И она думала, что уж теперь непременно Передонов, увидев, как она полнеет, и получив к тому же поддельное письмо, женится на ней.

Далеко не так приятны были ожидания Передонова. Уже он давно убедился, что директор ему враждебен, — и на самом деле директор гимназии считал Передонова ленивым, неспособным учителем. Передонов думал, что директор приказывает ученикам его не почитать, — что

было, понятно, вздорною выдумкою самого Передонова. Но это вселяло в Передонова уверенность, что надо от директора защищаться. Со злости на директора он не раз начинал поносить его в старших классах. Многим гимназистам такие разговоры нравились.

Теперь, когда Передонов захотел стать инспектором, директоровы неприязненные отношения к нему являлись особенно неприятными. Положим, если княгиня захочет, то ее протекция превозможет директоровы козни. Но все же они небезопасны.

«И другие были в городе люди, — как заметил в последние дни Передонов, — которые враждебны ему и хотели бы помешать его назначению на инспекторскую должность». Вот Володин: недаром он все повторяет слова «будущий инспектор». Ведь бывали же случаи, что люди присваивали себе чужое имя и жили себе в свое удовольствие. Конечно, заменить самого Передонова Володину трудненько, — да ведь у дурака, такого, как Володин, могут быть самые нелепые затеи. И еще Рутиловы, Вершина со своею Мартою, сослуживцы из зависти — все рады ему повредить. А как повредить? Ясное дело, опорочат его в глазах у начальства, выставят человеком неблагонадежным.

Итак, у Передонова явились две заботы: доказать свою благонадежность и обезопасить себя от Володиной, — женить его на богатой.

И вот однажды Передонов спросил Володина:

— Хочешь, к Адаменковой барышне тебя посватаю? Или все еще по Марте скучаешь? Целый месяц утешиться не можешь?

— Что ж мне по Марте скучать! — ответил Володин. — Я ей честь честью сделал предложение, а коли ежели она не хочет, то что же мне! Я и другую найду, — разве уж для меня и невест не найдется? Да этого добра везде сколько угодно.

— Да, а вот Марта натянула тебе нос, — подразнил Передонов.

— Не знаю уж, какого жениха они ждут, — обидчиво сказал Володин, — хоть бы приданое большое было, а то ведь гроши дадут. Это она в тебя, Ардальон Борисыч, втюрилась.

Передонов посоветовал:

— А я бы на твоём месте ей ворота дегтем вымазал.

Володин захихикал, но сейчас же успокоился и сказал:

— Ежели поймают, так неприятность может выйти.

— Найми кого-нибудь, зачем самому, — сказал Передонов.

— И следует, ей-богу, следует, — с одушевлением сказал Володин. — Потому как ежели она в законный брак не хочет вступать, а, между прочим, к себе в окно молодых людей пускает, то уж это что ж! Уж это значит — ни стыда, ни совести нет у человека.

VI

На другой день Передонов и Володин отправились к девице Адаменко. Володин принарядился — надел новенький свой узенький сюртучок, чистую крахмальную рубашку, пестрый шейный платок, намазал волосы помадою, надушился — и взыграл духом.

Надежда Васильевна Адаменко с братом жила в городе в собственном кирпичном красном домике; недалеко от города было у нее имение, отданное в аренду. В позапрошлом году кончила она учение в здешней гимназии, а ныне занималась тем, что лежала на кушетке, читала книжки всякого содержания да школила своего брата, одиннадцатилетнего гимназиста, который спасался от ее строгостей только сердитым заявлением:

— При маме лучше было. Мама в угол только ставила.

С Надеждою Васильевною жила ее тетка, существо безличное и дряхлое, не имевшее никакого голоса в домашних делах. Знакомства вела Надежда Васильевна со строгим

разбором. Передонов бывал у нее редко, и только малое знакомство его с нею могло быть причиною предположения, что эта барышня может выйти замуж за Володина.

Теперь она удивилась неожиданному посещению, но приняла незваных гостей любезно. Гости надо было занимать, — и Надежде Васильевне казалось, что самый приятный и удобный разговор для учителя русского языка — разговор о состоянии учебного дела, о реформе гимназий, о воспитании детей, о литературе, о символизме, о русских журналах. Всех этих тем она коснулась, но не получала в ответ ничего, кроме озадачивших ее отповедей, обнаруживших, что ее гостям эти вопросы не любопытны. Она увидела, что возможен только один разговор — городские сплетни. Но Надежда Васильевна все-таки сделала еще одну попытку.

— А вы читали «Человек в футляре» Чехова? — спросила она. — Не правда ли, как метко?

Так как с этим вопросом она обратилась к Володину, то он приятно осклабился и спросил:

— Это что же, статья или роман?

— Рассказ, — объяснила Надежда Васильевна.

— Господина Чехова, вы изволили сказать? — осведомился Володин.

— Да, Чехова, — сказала Надежда Васильевна и усмехнулась.

— Это где же помещено? — продолжал любопытствовать Володин.

— В «Русской Мысли», — ответила барышня любезно.

— В каком номере? — допрашивал Володин.

— Не помню хорошенько, в каком-то летнем, — все так же любезно, но с некоторым удивлением ответила Надежда Васильевна.

Маленький гимназист высунулся из-за двери.

— Это в майской книжке было напечатано, — сказал он, придерживаясь рукою за дверь и обводя гостей и сестру веселыми синими глазами.

— Вам еще рано романы читать, — сердито сказал Передонов, — учиться надо, а не скабрзные истории читать.

Надежда Васильевна строго посмотрела на брата.

— Как это мило — за дверьми стоять и слушать, — сказала она и, подняв обе руки, сложила кончики мизинцев под прямым углом.

Гимназист нахмурился и скрылся. Он пошел в свою комнату, стал там в угол и принялся глядеть на часы; два мизинца углом — это знак стоять в углу десять минут. «Нет, — досадливо думал он, — при маме лучше было: мама только зонтик ставила в угол».

А в гостиной меж тем Володин утешал хозяйку обещанием достать непременно майский номер «Русской Мысли» и прочесть рассказ господина Чехова. Передонов слушал с выражением явной скуки на лице. Наконец он сказал:

— Я тоже не читал. Я не читаю пустяков. В повестях и романах все глупости пишут.

Надежда Васильевна любезно улыбнулась и сказала:

— Вы очень строго относитесь к современной литературе. Но пишутся же теперь и хорошие книги.

— Я все хорошие книги раньше прочел, — заявил Передонов. — Не стану же я читать того, что теперь сочиняют.

Володин смотрел на Передонова с уважением. Надежда Васильевна легонько вздохнула и — делать нечего — принялась пустословить и сплетничать, как умела. Хоть и не люб ей был такой разговор, но она поддерживала его с ловкостью и веселостью бойкой и выдержанной девицы.

Гости оживились. Ей было нестерпимо скучно, а они думали, что она с ними исключительно любезна, и приписывали это обаянию прелестной наружности Володина.

Когда они ушли, Передонов на улице поздравлял Володина с успехом. Володин радостно смеялся и прыгал. Он уже забыл всех отвергнувших его девиц.

— Не лягайся, — говорил ему Передонов, — распрыгался, как баран. Погоди еще, натянута тебе нос.

Но говорил он это в шутку, а сам вполне верил в успех задуманного сватовства.

Грушина чуть не каждый день забегала к Варваре, Варвара бывала у нее еще чаще, так что они почти и не расставались. Варвара волновалась, а Грушина медлила — уверяла, что очень трудно скопировать буквы, чтобы вышло совсем похоже.

Передонов все еще не хотел назначить дня для свадьбы. Опять он требовал, чтобы ему сначала место дали инспекторское. Помня, как много у него готовых невест, он не раз, как и прошлую зиму, грозил Варваре:

— Вот сейчас пойду венчаться. Вернусь утром с женой, а тебя — вон. Последний раз ночуешь.

И с этими словами уходил — играть на бильярде. Оттуда иногда к вечеру приходил домой, а чаще кутил в каком-нибудь грязном притоне с Рутимовым и Володиным. В такие ночи Варвара не могла заснуть. Поэтому она страдала мигренями. Хорошо еще, если он вернется в час, в два ночи, — тогда она вздохнет свободно. Если же он являлся только утром, то Варвара встречала день совсем больная.

Наконец Грушина изготовила письмо и показала его Варваре. Долго рассматривали, сличали с прошлогодним княгининым письмом. Грушина уверяла: похоже так, что сама княгиня не узнала бы подделки. Хоть на самом деле сходства было мало, но Варвара поверила. Да она же и понимала, что Передонов не мог помнить мало знакомого ему почерка настолько точно, чтобы заметить подделку.

— Ну вот, — радостно сказала она, — наконец-то. А то я уже ждала, ждала, да и жданки потеряла. А только как же конверт, — если он спросит, что я скажу?

— Да уж конверта нельзя подделать, — штемпеля, — сказала Грушина, посмеиваясь, поглядывая на Варвару

лукавыми, разными глазами: правый — побольше, левый — поменьше.

— Так как же?

— Душечка Варвара Дмитриевна, да вы скажите ему, что конверт в печку бросили. На что же вам конверт?

Варварины надежды оживились. Она говорила Грушиной:

— Только бы женился, тогда уж я не стану для него бегать. Нет, я буду сидеть, а он пусть для меня побегает.

В субботу после обеда Передонов шел поиграть на биллиарде. Мысли его были тяжелы и печальны. Он думал:

«Скверно жить среди завистливых и враждебных людей. Но что же делать, — не могут же все быть инспекторами! Борьба за существование!»

На углу двух улиц он встретил жандармского штаб-офицера. Неприятная встреча!

Подполковник Николай Вадимович Рубовский, невысокий плотный человек с густыми бровями, веселыми серыми глазами и прихрамывающею походкою, отчего его шпоры неровно и звонко призывали, был весьма любезен и за то любим в обществе. Он знал всех людей в городе, все их дела и отношения, любил слушать сплетни, но сам был скромнен и молчалив, как могила, и никому не делал ненужных неприятностей.

Остановились, поздоровались, побеседовали. Передонов насупился, оглянулся по сторонам и опасно сказал:

— У вас, я слышал, наша Наташа живет, так вы ей не верьте, что она про меня говорит, это она врет.

— Я от прислуги сплетен не собираю, — с достоинством сказал Рубовский.

— Она — сама скверная, — продолжал Передонов, не обращая внимания на возражение Рубовского, — у нее любовник есть, поляк; она, может быть, нарочно к вам и поступила, чтоб у вас что-нибудь стащить секретное.

— Пожалуйста, не беспокойтесь об этом, — сухо возразил подполковник, — у меня планы крепостей не хранятся.

Упоминание о крепостях озадачило Передонова. Ему казалось, что Рубовский намекает на то, что может посадить Передонова в крепость.

— Ну, что крепость, — пробормотал он, — до этого далеко, а только вообще про меня всякие глупости говорят, так это больше из зависти. Вы ничему такому не верьте. Это они доносят, чтоб от себя отвести подозрение, а я и сам могу донести.

Рубовский недоумевал.

— Уверяю вас, — сказал он, вздергивая плечами и бряцая шпорами, — я ни от кого не получал на вас доноса. Вам, видно, кто-нибудь в шутку погрозил, — да ведь мало ли что говорится иногда.

Передонов не верил. Он думал, что жандармский скрытничает, — и стало ему страшно.

Каждый раз, как Передонов проходил мимо Вертинского сада, Вершина останавливала его и своими ворожачными движениями и словами заманивала в сад.

И он входил, невольно подчиняясь ее тихой ворожке. Может быть, ей скорее Рутиловых удалось бы достичь своей цели, — ведь Передонов одинаково далек был от всех людей, и почему бы ему было не связаться законным браком с Мартою? Но, видно, вязко было то болото, куда залез Передонов, и никакими чарами не удавалось перебултыхнуть его в другое.

Вот и теперь, когда, расставшись с Рубовским, Передонов шел мимо, Вершина, одетая, как всегда, вся в черном, заманила его.

— Марта и Владя домой на день едут, — сказала она, ласково глядя сквозь дым своей папироски на Передонова коричневыми глазами, — вот бы и вы с ними погостить в деревне. За ними работник в тележке приехал.

— Тесно, — сказал Передонов угрюмо.

— Ну вот, тесно, — возразила Вершина, — отлично разместитесь. Да и потеснитесь, не беда, что ж, недалеко, шесть верст проехать.

В это время из дома выбежала Марта спросить что-то у Вершиной.хлопоты перед отъездом немного расшевелили ее лень, и лицо ее было живее и веселее обычного. Опять, уже обе стали звать Передонова в деревню.

— Разместитесь удобно, — уверяла Вершина, — вы с Мартой на заднем сиденье, а Владя с Игнатием на переднем. Вот посмотрите, и тележка на дворе.

Передонов вышел за Вершиною и Мартою во двор, где стояла тележка, а около нее возился, укладывая что-то, Владя. Тележка была поместительная. Но Передонов, угрюмо осмотрев ее, объявил:

— Не поеду. Тесно. Четверо, да еще вещи.

— Ну, если вы думаете, что тесно, — сказала Вершина, — то Владя и пешком может идти.

— Конечно, — сказал Владя, улыбаясь сдержанно и ласково, — пешком дойду в полтора часа отлично. Вот сейчас зашагаю, так раньше вас буду.

Тогда Передонов объявил, что будет трясти, а он не любит тряски. Вернулись в беседку. Все уже было уложено, но работник Игнатий еще ел на кухне, насыщаясь неторопливо и основательно.

— Как учится Владя? — спросила Марта.

Другого разговора с Передоновым она не умела придумать, а уже Вершина не раз упрекала ее, что она не умеет занять Передонова.

— Плохо, — сказал Передонов, — ленится, ничего не слушает.

Вершина любила поворчать. Она стала выговаривать Владе. Владя краснел и улыбался, пожимался плечами, как от холода, и подымал, по своей привычке, одно плечо выше другого.

— Что же, только год начался, — сказал он, — я еще успею.

— С самого начала надо учиться, — тоном старшей, но слегка от этого краснея, сказала Марта.

— Да и шалит, — жаловался Передонов, — вчера так развозились, точно уличные мальчишки. Да и груб, мне дерзость сказал в четверг.

Владя вдруг вспыхнул и заговорил горячо, но не переставая улыбаться:

— Никакой дерзости, а я только правду сказал, что вы в других тетрадках ошибок по пяти прозевали, а у меня все подчеркнули и поставили два, а у меня лучше было написано, чем у тех, кому вы три поставили.

— И еще вы мне дерзость сказали, — настаивал Передонов.

— Никакой дерзости, а я только сказал, что инспектору скажу, — запальчиво говорил Владя, — что же мне зря двойку...

— Владя, не забывайся, — сердито сказала Вершина, — чем бы извиниться, а ты опять повторяешь.

Владя вдруг вспомнил, что Передонова нельзя раздражать, что он может стать Марте женихом. Он сильнее покраснел, в смущении передернул пояс на своей блузе и робко сказал:

— Извините. Я только хотел попросить, чтобы вы поправили.

— Молчи, молчи, пожалуйста, — прервала его Вершина, — терпеть не могу таких рассуждений, терпеть не могу, — повторила она и еле заметно дрогнула всем своим сухоньким телом. — Тебе делают замечание, ты молчи.

И Вершина высыпала на Владю немало укоризненных слов, дымя папироскою и криво улыбаясь, как она всегда улыбалась, о чем бы ни шла речь.

— Надо будет отцу сказать, чтобы наказал тебя, — кончила она.

— Высечь надо, — решил Передонов и сердито посмотрел на обидевшего его Владю.

— Конечно, — подтвердила Вершина, — высечь надо.
— Высечь надо, — сказала и Марта и покраснела.
— Вот поеду сегодня к вашему отцу, — сказал Передонов, — и скажу, чтобы вас при мне высекли, да хорошенько.

Владя молчал, смотрел на своих мучителей, поеживался плечами и улыбался сквозь слезы. Отец у него крут. Владя старался утешить себя, думая, что это — только угрозы. «Неужели, — думал он, — в самом деле захотят испортить ему праздник? Ведь праздник — день особенный, отмеченный и радостный, и все праздничное совсем несоизмеримо со всем школьным, будничным».

А Передонову нравилось, когда мальчики плакали, — особенно, если это он так сделал, что они плачут и винятся. Владино смущение, и сдержанные слезы на его глазах, и робкая, виноватая его улыбка — все это радовало Передонова. Он решил ехать с Мартою и Владею.

— Ну, хорошо, я поеду с вами, — сказал он Марте.

Марта обрадовалась, но как-то испуганно. Конечно, она хотела, чтобы Передонов ехал с ними, — или, вернее, Вершина хотела этого за нее и приворожила ей своими быстрыми наговорами это желание. Но теперь, когда Передонов сказал, что едет, Марте стало неловко за Владю — жалко его.

Жутко стало и Владе. Неужели это для него Передонов едет? Ему захотелось умиловить Передонова. Он сказал:

— Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что тесно будет, то я могу пешком пойти.

Передонов посмотрел на него подозрительно и сказал:

— Ну да, если вас отпустить одного, вы еще убежите куда-нибудь. Нет уж, мы вас лучше свезем к отцу, пусть он вам задаст.

Владя покраснел и вздохнул. Ему стало так неловко и тоскливо, и досадно на этого мучительного и угрюмо-

го человека. Чтобы все-таки смягчить Передонова, он решился устроить ему сиденье поудобнее.

— Ну, уж я так сделаю, — казал он, — что вам отлично будет сидеть.

И он поспешно отправился к тележке. Вершина посмотрела вслед за ним, криво улыбаясь и дымя, и сказала Передонову тихо:

— Они все боятся отца. Он у них очень строгий.

Марта покраснела.

Владя хотел было взять с собою в деревню удочку, новую, английскую, купленную на сбереженные деньги, хотел взять еще кое-что, да это все занимало бы в тележке немало места. И Владя унес обратно в дом все свои пожитки.

Было не жарко. Солнце склонялось. Дорога, омытая утренним дождем, не пылила. Тележка ровно катилась по мелкому щебню, унося из города четырех седоков; сытая серая лошадка бежала, словно не замечая их тяжести, и ленивый, безмолвный работник Игнатий управлял ее бегом при помощи заметных лишь опытному взору движений вожжами.

Передонов сидел рядом с Мартою. Ему расчистили так много места, что Марте совсем неудобно было сидеть. Но он не замечал этого. А если бы и заметил, то подумал бы, что так и должно: ведь он — гость.

Передонов чувствовал себя очень приятно. Он решил поговорить с Мартою любезно, пошутить, позабавить ее.

Он начал так:

— Ну, что, скоро бунтовать будете?

— Зачем бунтовать? — спросила Марта.

— Вы, поляки, ведь все бунтовать собираетесь, да только напрасно.

— Я и не думаю об этом, — сказала Марта, — да и никто у нас не хочет бунтовать.

— Ну да, это вы только так говорите, а вы русских ненавидите.

— И не думаем, — сказал Владя, повертываясь к Передонову с передней скамейки, где сидел рядом с Игнатием.

— Знаем мы, как вы не думаете. Только мы вам не отдадим вашей Польши. Мы вас завоевали. Мы вам сколько благодеяний сделали, да, видно, как волка ни корми, он все в лес смотрит.

Марта не возражала. Передонов помолчал немного и вдруг сказал:

— Поляки — безмозглые.

Марта покраснела.

— Всякие бывают и русские и поляки, — сказала она.

— Нет, уж это так, это верно, — настаивал Передонов. — Поляки — глупые. Только форсу задают. Вот жида — те умные.

— Жида — плуты, а вовсе не умные, — сказал Владя.

— Нет, жида — очень умный народ. Жид русского всегда надует, а русский жида никогда не надует.

— Да и не надо надувать, — сказал Владя, — разве в том только и ум, чтобы надувать да плутовать?

Передонов сердито глянул на Владю.

— А ум в том, чтобы учиться, — сказал он, — а вы не учитесь.

Владя вздохнул и опять отвернулся и стал смотреть на ровный бег лошади. А Передонов говорил:

— Жида во всем умные, и в ученье, и во всем. Если бы жидов пускали в профессора, то все профессора из жидов были бы. А польки все — неприятели.

Он посмотрел на Марту и, с удовольствием заметив, что она сильно покраснела, сказал из любезности:

— Да вы не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.

— Все польки — хорошие хозяйки, — ответила Марта.

— Ну да, — возразил Передонов, — хозяйки, сверху чисто, а юбки грязные. Ну, да за что у вас Мицкевич был. Он выше нашего Пушкина. Он у меня на стене ви-

сит. Прежде там Пушкин висел, да я его в сортир вынес, — он камер-лакеем был.

— Ведь вы — русский, — сказал Владя, — что ж вам наш Мицкевич? Пушкин — хороший, и Мицкевич — хороший.

— Мицкевич — выше, — повторил Передонов. — Русские — дурачье. Один самовар изобрели, а больше ничего.

Передонов посмотрел на Марту, сощурил глаза и сказал:

— У вас много веснушек. Это некрасиво.

— Что же делать, — улыбаясь, промолвила Марта.

— И у меня веснушки, — сказал Владя, поворачиваясь на своем узеньком сиденье и задевая безмолвного Игнатия.

— Вы мальчик, — сказал Передонов, — это ничего, мужчине красота не нужна, а вот у вас, — продолжал он, оборачиваясь к Марте, — нехорошо. Этак вас никто и замуж не возьмет. Надо огуречным рассолом лицо мыть.

Марта поблагодарила за совет.

Владя, улыбаясь, смотрел на Передонова.

— Вы что улыбаетесь? — сказал Передонов. — Вот походите, приедем, так будет вам дера отличная.

Владя, повернувшись на своем месте, внимательно смотрел на Передонова, стараясь угадать, шутит ли он, говорит ли взаправду. А Передонов не выносил, когда на него пристально смотрели.

— Чего вы на меня глазеете? — грубо спросил он. — На мне узоров нет. Или вы сглазить меня хотите?

Владя испугался и отвел глаза.

— Извините, — сказал он робко, — я так, не нарочно.

— А вы разве верите в глаз? — спросила Марта.

— Сглазить нельзя, это суеверие, — сердито сказал Передонов, — а только ужасно невежливо уставиться и рассматривать.

Несколько минут продолжалось неловкое молчание.

— Ведь вы — бедные, — вдруг сказал Передонов.

— Да, не богатые, — ответила Марта, — да все-таки уж и не так бедны. У нас у всех есть кое-что отложено.

Передонов недоверчиво посмотрел на нее и сказал:

— Ну да, я знаю, что вы — бедные. Босые ежеденком дома ходите.

— Мы это не от бедности, — живо сказал Владя.

— А что же, от богатства, что ли? — спросил Передонов и отрывисто захохотал.

— Совсе не от бедности, — сказал Владя, краснея, — это для здоровья очень полезно, закаляем здоровье и приятно летом.

— Ну, это вы врете, — грубо возразил Передонов. — Богатые босиком не ходят. У вашего отца много детей, а получает гроши. Сапог не накупишься.

VII

Варвара ничего не знала о том, куда отправился Передонов. Она провела жестоко беспокойную ночь.

Но и вернувшись утром в город, Передонов не пошел домой, а велел везти себя в церковь — в это время началась обедня. Ему казалось теперь опасным не бывать часто в церкви — еще донесут, пожалуй.

Встретив при входе в ограду миловидного маленького гимназиста с румяным, простодушным лицом и непорочными голубыми глазами, Передонов сказал:

— А, Машенька, здравствуй, раздевоня.

Миша Кудрявцев мучительно покраснел. Передонов уже несколько раз дразнил его, называя Машенькою, — Кудрявцев не понимал, за что, и не решался пожаловаться. Несколько товарищей, глупых малышей, толпившихся тут же, засмеялись на слова Передонова. Им тоже весело было дразнить Мишу.

Церковь во имя пророка Илии, старая, построенная еще при царе Михаиле, стояла на площади против гимназии. Поэтому по праздникам к обедне и всенощной гимназисты обязаны были сюда собираться и стоять

с левой стороны, у придела святой Екатерины великомученицы, рядами, — а сзади помещался один из помощников классных наставников, для надзора. Тут же рядом, поближе к середине храма, становились учителя гимназии, инспектор и директор со своими семьями. Собирались обыкновенно почти все православные гимназисты, кроме немногих, которым разрешено было посещать свои приходские церкви с родителями.

Хор из гимназистов пел хорошо, и потому церковь посещалась первогильдейным купечеством, чиновниками и помещичьими семьями. Простого народа бывало немного, тем более что обедню здесь служили, сообразно с желанием директора, позже, чем в других церквях.

Передонов стал на привычное свое место. Певчие отсюда все были ему видны. Щуря глаза, он смотрел на них и думал, что они стоят беспорядочно и что он подтянул бы их, если бы он был инспектором гимназии. Вот смуглый Крамаренко, маленький, тоненький, вертлявый, все оборачивается то туда, то сюда, шепчет что-то, улыбается, — и никто-то его не уймает. Точно никому и дела нет.

«Безобразие, — думал Передонов, — эти певчие всегда негодяи; у черномазого мальчишки звонкий, чистый дискант, — так уж он думает, что и в церкви можно шептать и улыбаться».

И хмурился Передонов.

Рядом с ним стал пришедший попозже инспектор народных училищ Сергей Потапович Богданов, старик с коричневым глупым лицом, на котором постоянно было такое выражение, как будто он хотел объяснить кому-то что-то такое, чего еще и сам никак не мог понять. Никого так легко нельзя было удивить или испугать, как Богданова: чуть услышит что-нибудь новое или тревожное, и уже лоб его наморщивается от внутреннего болезненного усилия, и изо рта вылетают беспорядочные, смятенные восклицания.

Передонов наклонился к нему и сказал шепотом:

— У вас учительница одна в красной рубашке ходит.

Богданов испугался. Белая еретица его трусливо за-
тряслась на подбородке.

— Что, что вы говорите? — сипло зашептал он. — Кто,
кто такая?

— Да вот горластая-то, толстуха-то эта, как ее, не
знаю, — шептал Передонов.

— Горластая, горластая, — растерянно припоминал
Богданов, — Это Скобочкина, да.

— Ну да, — подтвердил Передонов.

— А как же, как же так! — восклицал шепотом Бог-
данов, — Скобочкина в красной рубашке, а! Да вы сами
видели?

— Видел, да она, говорят, и в школе так щеголяет.
А то и хуже бывает: сарафан наденет, совсем как про-
стая девка ходит.

— А, скажите! Надо, надо узнать. Так нельзя, нельзя.
Уволить за это следует, уволить, — лепетал Богданов. —
Она всегда такая была.

Обедня кончилась. Выходили из церкви. Передонов
сказал Крамаренку:

— Ты, Черныш-огарыш, зачем в церкви улыбался?
Вот погоди, уж отцу скажу.

Передонов говорил иногда «ты» гимназистам не из
дворян; дворянам же он всегда говорил «вы». Он узнавал
в канцелярии, кто какого сословия, и его память цепко
держалась за эти различия.

Крамаренко посмотрел на Передонова с удивлением
и молча пробежал мимо. Он принадлежал к числу тех
гимназистов, которые находили Передонова грубым, глу-
пым и несправедливым и за то ненавидели и презира-
ли его. Таких было большинство. Передонов думал, что
это — те, кого директор подговаривает против него, если
не сам, то через сыновей.

К Передонову подошел — уже за оградой — Володин с радостным хихиканьем, — лицо, как у именинника, блаженное, котелок на затылке, тросточка наперехват.

— Знаешь, что я тебе скажу, Ардальон Борисыч, — зашептал он радостно, — я уговорил Черепнина, и он на днях вымажет Марте дегтем ворота.

Передонов помолчал, соображая что-то, и вдруг угрюмо захохотал. Володин так же быстро перестал ослабляться, принял скромный вид, поправил котелок и, поглядывая на небо и помахивая тросточкою, сказал:

— Хорошая погодка, а к вечеру, пожалуй, дождик соберется. Ну и пусть дождичек, мы с будущим инспектором дома посидим.

— Не очень-то мне дома сидеть можно, — сказал Передонов, — у меня нынче дела, надо в город ходить.

Володин сделал понимающее лицо, хотя, конечно, не знал, какие это нашлись вдруг у Передонова дела. А Передонов думал, что ему необходимо будет сделать несколько визитов. Вчерашняя случайная встреча с жандармским офицером навела его на мысль, которая показалась ему весьма дельною: обойти всех значительных в городе лиц и уверить их в своей благонадежности. Если это удастся, тогда, в случае чего, у Передонова найдутся заступники в городе, которые засвидетельствуют его правильный образ мыслей.

— Куда же вы, Ардальон Борисыч? — спросил Володин, видя, что Передонов сворачивает с того пути, по которому всегда возвращался, — разве вы не домой?

— Нет, я домой, — ответил Передонов, — только я нынче боюсь по той улице ходить.

— Почему же?

— Там дурману много растет и запах тяжелый; это на меня сильно действует, одурманивает. У меня нынче нервы слабы. Все неприятности.

Володин опять придал своему лицу понимающее и сочувственное выражение.

По дороге Передонов сорвал несколько шишек от чертополоха и сунул их в карман.

— Это для чего же вы собираете? — осклабясь, спросил Володин.

— Для кота, — хмуро ответил Передонов.

— Лепить в шкуру будете? — деловито осведомился Володин.

— Да.

Володин захихикал.

— Вы без меня не начинайте, — сказал он, — занятно.

Передонов пригласил его зайти сейчас, но Володин сказал, что у него есть дело: он вдруг почувствовал, что как-то неприлично все не иметь дела; слова Передонова о своих делах подстрекали его, и он сообразил, что хорошо бы теперь самостоятельно зайти к барышне Адаменко и сказать ей, что у него есть новые и очень изящные рисунки для рамок, так не хочет ли она посмотреть. «Кстати, — думал Володин, — Надежда Васильевна угостит его кофейком».

Так Володин и сделал. И еще придумал одну замысловатую штуку: предложил Надежде Васильевне заниматься с ее братом ручным трудом. Надежда Васильевна подумала, что Володин нуждается в заработке, и немедленно согласилась. Условились заниматься три раза в неделю по два часа, за тридцать рублей в месяц. Володин был в восторге: и денежки, и возможность частых встреч с Надеждою Васильевною.

Передонов вернулся домой мрачный, как всегда. Варвара, бледная от бессонной ночи, заворчала:

— Мог бы вчера сказать, что не придешь.

Передонов, дразня ее, рассказал, что ездил к Марте. Варвара молчала. У нее в руках было княгинино письмо. Хоть и поддельное, а все-таки...

За завтраком она сказала, ухмыляясь:

— Пока ты там возжался с Марфушкой, здесь я без тебя ответ получила от княгини.

— А ты разве ей писала? — спросил Передонов.

Лицо его оживилось отблеском тусклого ожидания.

— Ну вот, валяет петрушку, — отвечала Варвара со смехом, — ведь сам же велел писать.

— Ну, что же она пишет? — спросил Передонов тревожно.

— Вот письмо, читай сам.

Варвара порылась в карманах, словно искала засу-нутое куда-то письмо, потом достала его и подала Передонову. Он оставил еду и с жадностью накинулся на письмо. Прочел и обрадовался. Вот, наконец, ясное и положительное обещание. Никаких сомнений у него не явилось. Он наскоро кончил завтрак и пошел показывать письмо знакомым и приятелям.

Урюмо-одушевленный, он быстро вошел в вершинский сад. Вершина, как почти всегда, стояла у калитки и курила. Она обрадовалась: раньше его надо было заманивать, теперь сам зашел. Вершина подумала:

«Вот что значит проехался-то с барышней, побыл с нею, — вот и прибежал! Уж не хочет ли свататься?» — тревожно и радостно думала она.

Передонов тотчас же разочаровал ее — показал письмо.

— Вот вы все сомневались, — сказал он, — а вот сама княгиня пишет. Вот почитайте, сами увидите.

Вершина недоверчиво посмотрела на письмо, быстро несколько раз пыхнула на него табачным дымом, криво усмехнулась и спросила тихо и быстро:

— А где же конверт?

Передонов вдруг испугался. Он подумал, что Варвара могла и обмануть его письмом — взяла да сама написала. Надо потребовать от нее конверт как можно скорее.

— Я не знаю, — сказал он, — надо спросить.

Он поспешно простился с Вершиною и быстро пошел назад, к своему дому. Необходимо было как можно скорее удостовериться в происхождении этого письма, — внезапное сомнение так мучительно.

Вершина, стоя у калитки, смотрела за ним, криво улыбаясь, и торопливо дымила папироскою, словно спе-ша окончить к сроку заданный сегодня урок.

С испуганным и отчаянным лицом Передонов прибе-жал домой и крикнул еще в передней голосом, хриплым от волнения:

— Варвара, где же конверт?

— Какой конверт? — спросила Варвара дрогнувшим голосом.

Она смотрела на Передонова нахально, но покраснела бы, если бы не была раскрашена.

— Конверт, от княгини, что письмо сегодня прине-сли, — объяснил Передонов, испуганно и злобно глядя на Варвару.

Варвара напряженно засмеялась.

— Вот, я сожгла, на что мне его? — сказала она. — Что же, собирать, что ли, конверты, коллекцию состав-лять? Так ведь денег за конверты не платят. Это только за бутылки в кабаке деньги назад дают.

Передонов, мрачный, ходил по горницам и ворчал:

— Княгини тоже бывают всякие. Знаем мы. Может быть, эта здесь живет княгиня.

Варвара притворялась, что не догадывается о его по-дозрениях, но жестоко трусила.

Когда к вечеру Передонов проходил мимо вершин-ского сада, Вершина остановила его.

— Нашли конверт? — спросила она.

— Да Варя говорит, что сожгла его, — ответил Пере-донов.

Вершина засмеялась, и белые тонкие облачка от та-бачного дыма заколебались перед нею в тихом и нежар-ком воздухе.

— Странно, — сказала она, — как это так ваша се-стрица неосторожна, — деловое письмо, и вдруг без кон-верта! Все ж таки по штемпелю видно было бы, когда послали письмо и откуда.

Передонов жестоко досадовал. Напрасно Вершина звала его зайти в сад, напрасно обещала погадать на картах, — Передонов ушел.

Но все же он показывал приятелям это письмо и хвастался. И приятели верили.

А Передонов не знал, верить или не верить. На всякий случай решился он со вторника начать оправдательные свои посещения к значительным в городе особам. С понедельника нельзя — тяжелый день.

VIII

Как только Передонов ушел играть на бильярде, Варвара поехала к Грушиной. Долго они толковали и, наконец, решили поправить дело вторым письмом. Варвара знала, что у Грушиной есть знакомые в Петербурге. При их посредстве нетрудно переслать туда и обратно письмо, которое изготовят здесь.

Грушина, как и в первый раз, долго и притворно отказывалась.

— Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, — говорила она, — я и от одного-то письма вся дрожу, все боюсь. Увижу пристава близко дома, так вся и сомлею, — думаю: за мной идут, в тюрьму сажать хотят.

Битый час уговаривала ее Варвара, насулила подарков, дала вперед немного денег. Наконец Грушина согласилась. Решили сделать так: сначала Варвара скажет, что написала княгине ответ, благодарность. Потом через несколько дней придет письмо, будто бы от княгини. В том письме еще определеннее будет написано, что есть места в виду, что если скоро повенчается, то теперь же можно будет одно из них выхлопотать Передонову. Это письмо напишет здесь Грушина, как и первое, — запечатают его, наклеят марку в семь копеек, Грушина вложит его в письмо своей подруге, а та в Петербурге опустит его в почтовый ящик.

И вот Варвара и Грушина пошли в лавочку на самый дальний конец города и купили там пачку конвертов, узких, с цветным подбоем, и цветной бумаги. Выбрали и бумагу и конверты такие, каких не осталось больше в лавке, — предосторожность, придуманная Грушиною для сокрытия подделки. Узкие конверты выбрали для того, чтобы подделанное письмо легко входило в другое.

Вернувшись домой к Грушиной, сочинили и письмо от княгини. Когда, через два дня, письмо было готово, его надушили шипром. Остальные конверты и бумагу сожгли, чтобы не осталось улик.

Грушина написала своей подруге, в какой именно день опустить письмо, — рассчитали, чтобы оно пришло в воскресенье, тогда почтальон принесет его при Передонове, и это будет лишним доказательством неподдельности письма.

Во вторник Передонов постарался пораньше вернуться из гимназии. Случай ему помог: последний урок его был в классе, дверь которого выходила в коридор близ того места, где висели часы и бодрствовал трезвонящий в положенные сроки сторож, бравый запасный унтер-офицер. Передонов послал сторожа в учительскую за классным журналом, а сам переставил часы на четверть часа вперед, — никто этого не заметил.

Дома Передонов отказался от завтрака и сказал, чтобы обед сделали позже, — ему-де нужно ходить по делам.

— Путают, путают, а я распутывай, — сердито сказал он, думая о кознях, которые строят ему враги.

Надел мало употребляемый им фрак, в котором уже было ему тесно и неловко: тело с годами добрело, фрак садился. Досадовал, что нет ордена. У других есть, — даже у Фаластова из городского училища есть, — а у него нет. Все директоровы штуки: ни разу не хотел представить. Чины идут, этого директор не может отнять, — да что в них, коли никто не видит. Ну, да вот при новой форме будет видно. Хорошо, что там погоны будут по чину,

а не по классу должности. Это важно будет, — погонны как у генерала и одна большая звездочка. Сразу всякий увидит, что идет по улице статский советник.

«Надо поскорее заказать новую форму», — думал Передонов.

Он вышел на улицу и только тогда стал думать, с кого бы начать.

Кажется, самые необходимые в его положении люди — исправник и прокурор окружного суда. С них бы и следовало начать. Или с предводителя дворянства. Но начинать с них Передонову стало страшно. Предводитель Верига — генерал, метит в губернаторы. Исправник, прокурор — это страшные представители полиции и суда.

«Для начала, — думал Передонов, — надо выбрать начальство попроще и там осмотреться, принюхаться, — видно будет, как относятся к нему, что о нем говорят». Поэтому, решил Передонов, всего умнее начать с городского головы. Хотя он — купец и учился всего только в уездном училище, но все же он везде бывает, и у него все бывают, и он пользуется в городе уважением, а в других городах и даже в столице у него есть знакомые, довольно важные.

И Передонов решительно направился к дому городского головы.

Погода стояла пасмурная. Листья с деревьев падали покорные, усталые. Передонову было немного страшно.

В доме у городского головы пахло недавно натертыми паркетными полами и еще чем-то, еле заметно, приятно-съестным. Было тихо и скучно. Дети хозяиновы, сын-гимназист и девочка-подросток, — «она у меня под гувернанткой ходит», говорил отец, — чинно пребывали в своих покоях. Там было уютно, покойно и весело, окна смотрели в сад, мебель стояла удобная, игры разнообразные в горницах и в саду, детские звенели голоса.

В лицевых же на улицу покоях верхнего жилья, там, где принимались гости, все было вытянуто и жестко. Ме-

бель красного дерева словно была увеличена во много раз по образцу игрушечной. Обыкновенным людям на ней сидеть было неудобно, — сядешь, словно на камень поваляешься. А грузный хозяин — ничего, сядет, примет себе место и сидит с удобством. Навещавший голову почасту архимандрит подгородного монастыря называл эти кресла и диваны душеспасительными, на что голова отвечал:

— Да, не люблю я этих дамских нежностей, как в ином доме: сядешь на пружины и затрясешься, — сам трясешься и мебель трясется, — что тут хорошего? А впрочем, и доктора мягкой мебели не одобряют.

Городской голова, Яков Аникиевич Скучаев, встретил Передонова на пороге своей гостиной. Это был мужчина толстый, высокий, черноволосый, коротко стриженный; держался он с достоинством и любезностью, не чуждой некоторой презрительности в отношении к людям малоденежным.

Усевшись торчком в широком кресле и ответив на первые любезные хозяиновы вопросы, Передонов сказал:

— А я к вам по делу.

— С удовольствием. Чем могу служить? — любезно осведомился хозяин.

В хитрых черных глазах его вспыхнул презрительный огонек. Он думал, что Передонов пришел просить денег в долг, и решил, что больше полутора ста рублей не даст. Многие в городе чиновники должны были Скучаеву более или менее значительные суммы. Скучаев никогда не напоминал о возврате долга, но зато не оказывал дальнейшего кредита неисправным должникам. В первый же раз он давал охотно, по мере своей свободной наличности и состоятельности просителя.

— Вы, Яков Аникиевич, как городской голова — первое лицо в городе, — сказал Передонов, — так мне надо поговорить с вами.

Скучаев принял важный вид и слегка поклонился, сидя в кресле.

— Про меня в городе всякий вздор мелют, — угрюмо говорил Передонов, — чего и не было, наплетут.

— На чужой роток не накинешь платок, — сказал хозяин, — а впрочем, в наших палестинах, известно, кушкам что и делать, как не язычки чесать.

— Говорят, что я в церковь не хожу, а это неправда, — продолжал Передонов, — я хожу. А что на Ильин день не был, так у меня тогда живот болел, а то я всегда хожу.

— Это точно, — подтвердил хозяин, — это могу сказать, случалось вас видеть. А впрочем, ведь я не всегда в вашу церковь хожу. Я больше в монастырь езу. Так уж это у нас в роду повелось.

— Всякий вздор мелют, — говорил Передонов. — Говорят, будто бы я гимназистам гадости рассказываю. А это вздор. Конечно, иногда расскажешь на уроке что-нибудь смешное, чтоб оживить. У вас у самого сын — гимназист. Ведь он вам ничего такого про меня не рассказывал?

— Это точно, — согласился Скучаев, — ничего такого не было. А впрочем, ведь они, мальчишки, прехитрый народ: чего не надо, того и не скажут. Оно, конечно, мой еще мал, сболтнул бы по глупости, однако ничего такого не сказывал.

— Ну, а в старших классах они сами все знают, — сказал Передонов, — да я и там худых слов не говорю.

— Уж это такое дело, — отвечал Скучаев, — известно, гимназия — не базарная площадь.

— А у нас уж такой народ, — жаловался Передонов, — того наблекочут, чего и не было. Так вот я к вам: вы — городской голова.

Скучаев был весьма польщен тем, что к нему пришли. Он не совсем понимал, для чего это и в чем тут дело, но из политики не показывал и вида, что не понимает.

— И еще про меня худо говорят, — продолжал Передонов, — что я с Варварой живу. Говорят, что она мне

не сестра, а любовница. А она мне, ей-богу, сестра, только дальняя, четвероюродная, на таких можно венчаться. Я с нею и повенчаюсь.

— Так-с, так-с, конечно, — сказал Скучаев, — а впрочем, венец — делу конец.

— А раньше нельзя было, — говорил Передонов, — у меня важные причины были. Никак нельзя. А я бы давно повенчался. Уж вы мне поверьте.

Скучаев приосанился, нахмурился и, постукивая пальцами, пухлыми и белыми, по темной скатерти на столе, сказал:

— Я вам верю. Если так, то это действительно другой разговор. Теперь я вам верю. А то, признаться сказать, сомнительно было, как это вы с вашей, с позволения сказать, подругой, не венчавшись, живете. Оно сомнительно, знаете, потому ребятенки — острый народ; они перенимают, если что худое. Доброму их трудно научить, а худое само. Так оно точно сомнительно было. А впрочем, кому какое дело, — я так об этом сужу. А что вы пожаловали, так это мне лестно, потому что мы хоть и лыком шиты, дальше уездного училища свету не видали, ну а все-таки почтен доверием общества, третий срок головой хожу, так, мое слово у господ горожан чего-нибудь да стоит.

Скучаев говорил и все больше запутывался в своих мыслях, и ему казалось, что никогда не кончится ползущая с его языка канитель. И он оборвал свою речь и тоскливо подумал:

«А впрочем, ровно бы из пустого в порожнее переливаем. Беда с этими учеными, — думал он, — не поймешь, чего он хочет. В книгах-то ему все ясно, ученому человеку, а вот как из книги нос вытащит, так и завязнет и других завязит».

Он с тоскливым недоумением уставился на Передонова, острые глаза его потухли, тучное тело осунулось, он казался уж не тем бодрым деятелем, как давеча, а просто глуповатым стариком.

Передонов тоже помолчал немного, как бы замороженный хозяиновыми словами, потом сказал, щурия глаза с неопределенно-хмурым выражением:

— Вы — городской голова, так вы можете сказать, что все это — вздор.

— То есть насчет чего же? — осторожно осведомился Скучаев.

— А вот, — объяснил Передонов, — если в округ донесут, что я в церковь не хожу или там другое что, так вот, если приедут и спрашивать будут.

— Это мы можем, — сказал голова, — это уж вы, во всяком случае, будьте благонадежны. Если что, так уж мы за вас постоим, — отчего же за хорошего человека слова не замолвить. Хоть адрес вам от думы поднесем, если понадобится. Это мы все можем. Или, примерно, звание почетного гражданина, — отчего же, понадобится, все можно.

— Так уж я буду на вас надеяться, — сказал Передонов угрюмо, как бы отвечая на что-то, не совсем приятное для него, — а то директор все меня притесняет.

— С-с, скажите! — воскликнул Скучаев, с соболезованием покачивал головою. — Не иначе как так надо полагать, что по наговорам. Николай Власьевич, кажется, основательный господин, даром никого не обидит. Как же, по сыну вижу. Серьезный господин, строгий, поблажки не дает и различек не делает, одно слово — основательный господин. Не иначе, что по наговорам. С чего же у вас с ним контры?

— Мы с ним во взглядах не сходимся, — объяснил Передонов. — И у меня в гимназии есть завистники. Все хотят быть инспекторами. А мне княгиня Волчанская обещала выхлопотать инспекторское место. Вот они и злятся от зависти.

— Так-с, так-с, — осторожно сказал Скучаев. — А впрочем, что же это мы сухопутный разговор делаем. Надо закусить да выпить.

Скучаев нажал пуговку электрического звонка около висячей лампы.

— Удобная штука, — сказал он Передонову. — А вам бы в другое ведомство перейти следовало. Вы нам, Дашенька, соберите, — сказал он вошедшей на звонок милостивой девице атлетического сложения, — закусочки какой-нибудь да кофейку горяченького, понимаете?

— Слушаю, — ответила Дашенька, улыбаясь, и ушла, ступая удивительно, по ее сложению, легко.

— В другое ведомство, — опять обратился Скучаев к Передонову. — Хотя бы в духовное, например. Если взять духовный сан, то священник из вас вышел бы серьезный, обстоятельный. Я могу посодействовать. У меня есть преосвященные хорошие знакомые.

Скучаев назвал несколько епархиальных и викарных епископов.

— Нет, я не хочу в попы, — отвечал Передонов, — я ладану боюсь. Меня тошнит от ладана и голова болит.

— В таком разе в полицию тоже хорошо, — советовал Скучаев. — Поступите, например, в становые. На вас, позвольте узнать, какой чин?

— Я — статский советник, — важно сказал Передонов.

— Вот как! — воскликнул Скучаев. — Скажите, какие вам большие чины дают. И это за то, что ребят обучаете? Скажите, что значит наука! А впрочем, хотя по нынешним временам иные господа нападают на науку, а без науки не проживешь. Вот я сам хоть только в уездном учился, а сына в университет направляю. Через гимназию, известно, почти силком ведешь, прутом, а там и сам пойдет. Я его, знаете, сечь никогда не секу, а только как заленится или так в чем проштрафится, возьму за плечи, поведу к окну, — там у нас в саду березы стоят. Покажу ему березу, — это, говорю, видишь? Вижу, папенька, вижу, говорит, больше не буду. И точно, помогает, заправится мальчуган, будто его и на самом деле постегали. Ох, дети, дети! — вздыхая, закончил Скучаев.

У Скучаева Передонов просидел часа два. После делового разговора последовало обильное угощение.

Скучаев угошал, — как и все, что делал, — весьма степенно, словно важным делом занимался. Притом он старался делать это с какими-нибудь хитрыми коленцами. Подавали глинтвейн в больших стаканах, совсем как кофе, и хозяин называл его кофейком. Рюмки для водки подали с отбитыми и обточенными доньшками, чтоб их нельзя было поставить на стол.

— Это у меня называется: налей да выпей, — объяснил хозяин.

Пришел еще купец Тишков, седой, низенький, веселый и молодцеватый, в длинном сюртуке и сапогах бутылками. Он пил много водки, говорил под рифму всякий вздор очень весело и быстро и, очевидно, был весьма доволен собою.

Передонов сообразил наконец, что пора идти домой, и стал прощаться.

— Не торопитесь, — говорил хозяин, — посидите.

— Посидите, компанию поддержите, — сказал Тишков.

— Нет, мне пора, — отвечал озабоченно Передонов.

— Ему пора, ждет сестра, — сказал Тишков и подмигнул Скучаеву.

— У меня дела, — сказал Передонов.

— У кого дела, тому от нас хвала, — немедленно же отвечал Тишков.

Скучаев проводил Передонова до передней. На прощанье обнялись и поцеловались. Передонов остался доволен этим посещением.

«Голова за меня», — уверенно думал он.

Вернувшись к Тишкову, Скучаев сказал:

— Зря болтают на человека.

— Зря болтают, правды не знают, — тотчас же подхватил Тишков, молодцевато наливая себе рюмку английской горькой.

Видно было, что он не думает о том, что ему говорят, а только ловит слова для рифмования.

— Он ничего, парень душевный, и выпить не дурак, — продолжал Скучаев, наливая и себе и не обращая внимания на рифмачество Тишкова.

— Если выпить не дурак, значит, парень так и сяк, — бойко крикнул Тишков и опрокинул рюмку в рот.

— А что с мамзелью вяжется, так это что же! — говорил Скучаев.

— От мамзели клопы в постели, — ответил Тишков.

— Кто богу не грешен, царю не виноват!

— Все грешим, все любить хотим.

— А он хочет грех венцом прикрыть.

— Грех венцом прикроют, подерутся и завоюют.

Так разговаривал Тишков всегда, если речь шла не о деле его собственном. Он бы смертельно надоел всем, но к нему привыкли и уже не замечали его бойко произносимых скороговорок; только на свежего человека иногда напустят его. Но Тишкову было все равно, слушают его или нет; он не мог не схватывать чужих слов для рифмачества и действовал с неуклонностью хитро придуманной машинки-докучалки. Долго глядя на его расторопные, отчетливые движения, можно было подумать, что это не живой человек, что он уже умер, или и не жил никогда, и ничего не видит в живом мире, и не слышит ничего, кроме звенящих мертво слов.

IX

На другой день Передонов пошел к прокурору Авиновицкому.

Опять была пасмурная погода. Ветер налетал порывами и нес по улицам пыльные вихри. Близился вечер, и все освещено было просеянным сквозь облачный туман, печальным, как бы не солнечным светом. Тоскою

веяло затишье на улицах, и казалось, что ни к чему возникли эти жалкие здания, безнадежно-обветшалые, робко намекающие на таящуюся в их стенах нищую и скучную жизнь. Люди попадались, — и шли они медленно, словно ничто ни к чему их не побуждало, словно едва одолевали они клонящую их к успокоению дремоту. Только дети, вечные, неустанные сосуды божьей радости над землею, были живы и бежали, и играли, — но уже и на них налегла косность, и какое-то безликое и незримое чудище, угнездясь за их плечами, заглядывало порою глазами, полными угроз, на их внезапно тупеющие лица.

Среди этого томления на улицах и в домах, под этим отчуждением с неба, по нечистой и бессильной земле шел Передонов и томился неясными страхами, — и не было для него утешения в возвышенном и отрады в земном, — потому что и теперь, как всегда, смотрел он на мир мертвенными глазами, как некий демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою.

Его чувства были тупы, и сознание его было растлевающим и умертвляющим аппаратом. Все доходящее до его сознания претворялось в мерзость и грязь. В предметах ему бросались в глаза неисправности и радовали его. Когда он проходил мимо прямостоящего и чистого столба, ему хотелось покривить его или испакостить. Он смеялся от радости, когда при нем что-нибудь пачкали. Чисто вымытых гимназистов он презирал и преследовал. Он называл их ласкомойками. Неряхи были для него понятнее. У него не было любимых предметов, как не было любимых людей, — и потому природа могла только в одну сторону действовать на его чувства, только угнетать их. Также и встречи с людьми. Особенно с чужими и незнакомыми, которым нельзя сказать грубость. Быть счастливым для него значило ничего не делать и, замкнувшись от мира, ублажать свою утробу.

«А вот теперь приходится поневоле, — думал он, — идти и объясняться. Какая тягость! Какая долука!» И еще

если бы можно было напакостить там, куда он идет, а то нет ему и этого утешения.

Прокуроров дом усилил и определил в Передонове его тягостные настроения в чувстве тоскливого страха. И точно, этот дом имел сердитый, злой вид. Высокая крыша хмуρο опускалась над окнами, пригнетенными к земле. И дощатая обшивка, и крыша были когда-то выкрашены ярко и весело, но от времени и дождей окраска стала хмуροю и серою. Ворота, громадные и тяжелые, выше самого дома, как бы приспособленные для отражения вражых нападений, постоянно были на запоре. За ними гремела цепь, и глухим басом лаяла собака на каждого прохожего.

Кругом тянулись пустыри, огороды, кривились лачуги какие-то. Против прокуророва дома — длинная шестиугольная площадь, посредине углубленная, заросшая травою, вся немощеная. У самого дома торчал фонарный столб, единственный на всей площади.

Передонов медленно, неохотно поднялся по четырем пологим ступенькам на крыльцо, покрытое дощатою двускатною кровелькою, и взялся за почернелую медную ручку от звонка. Звонok раздался где-то близко, с резким и продолжительным дребезжанием. Невдолге послышались крадущиеся шаги. Кто-то подошел к двери на цыпочках и остановился там тихо-тихо. Должно быть, смотрел в какую-нибудь незаметную щель. Потом загремел железный крюк, дверь открылась, — на пороге стояла черноволосая, угрюмая, рябая девица с подозрительно озирающими все глазами.

— Вам кого? — спросила она.

Передонов сказал, что пришел к Александру Алексеевичу по делу. Девица его впустила. Переступая порог, Передонов зачурался про себя. И хорошо, что поспешил: не успел еще он снять пальто, как уже в гостиной послышался резкий, сердитый голос Авиновицкого. Голос у прокурора всегда был устрашающий, — иначе он

и не говорил. Так и теперь, сердитым и бранчивым голосом он еще из гостиной кричал приветствие и выражение радости по тому поводу, что наконец-то Передонов собрался к нему.

Александр Алексеевич Авиновицкий был мужчина мрачной наружности, как бы уж от природы приспособленный для того, чтобы распекать и разносить. Человек несокрушимого здоровья, — он купался ото льда до льда, — казался он, однако, худощавым, так сильно зарос он бородою черною с синеватым отливом. Он на всех наводил если не страх, то чувство неловкости, потому что, не уставая, кого-нибудь громил, кому-нибудь грозил Сибирью да каторгою.

— Я по делу, — сказал Передонов смущенно.

— С повинной? человека убили? поджог устроили? почту ограбили? — сердито закричал Авиновицкий, пропуская Передонова в зал. — Или сами стали жертвой преступления, что более чем возможно в нашем городе? Город у нас скверный, а полиция в нем еще хуже. Удивляюсь еще я, отчего на этой вот площади каждое утро мертвые тела не валяются. Ну-с, прошу садиться. Так какое же дело? преступник вы или жертва?

— Нет, — сказал Передонов, — я ничего такого не сделал. Это директор рад бы меня упечь, а я ничего такого.

— Так вы повинной не приносите? — спросил Авиновицкий.

— Нет, я ничего такого, — боязливо бормотал Передонов.

— Ну, а если вы ничего такого, — со свирепыми ударами на словах сказал прокурор, — так я вам предложу чего-нибудь этакое.

Он взял со стола колокольчик и позвонил. Никто не шел. Авиновицкий схватил колокольчик в обе руки, поднял неистовый трезвон, потом бросил колокольчик на пол, застучал ногами и закричал диким голосом:

— Маланья! Маланья! Черти, дьяволы, лешие!

Послышались неторопливые шаги, вошел гимназист, сын Авиновицкого, черноволосый коренастый мальчик лет тринадцати, с весьма уверенными и самостоятельными повадками. Он поклонился Передонову, поднял колокольчик, поставил его на стол и уже потом сказал спокойно:

— Маланья на огород пошла.

Авиновицкий мгновенно успокоился и, глядя на сына с нежностью, столь не идущею к его обросшему и сердитому лицу, сказал:

— Так ты, сынок, добegi до нее, скажи, чтоб она собрала нам выпить и закусить.

Мальчик неторопливо пошел из горницы. Отец смотрел за ним с горделивою и радостною улыбкою. Но уже когда мальчик был в дверях, Авиновицкий вдруг свирепо нахмурился и закричал страшным голосом так, что Передонов вздрогнул:

— Живо!

Гимназист побежал, и слышно стало, как захлопали стремительно открытые и с треском закрытые двери. Отец послушал, радостно улыбнулся толстыми, красными губами, потом опять заговорил сердитым голосом:

— Наследник. Хорош, а? Что из него будет, а? Как вы полагаете? Дураком может быть, но подлецом, трусом, тряпкой — никогда.

— Да, что ж, — пробормотал Передонов.

— Ныне люди пошли — пародия на человеческую породу, — гремел Авиновицкий. — Здоровье пошлостью считают. Немец фуфайку выдумал. Я бы этого немца в каторжные работы послал. Вдруг бы на моего Владимира фуфайку! Да он у меня в деревне все лето сапог ни разу не надел, а ему — фуфайку! Да он у меня из бани на мороз нагишом выбежит да на снегу повалывается, а ему — фуфайку. Сто плетей проклятому немцу!

От немца, выдумавшего фуфайку, перешел Авиновицкий к другим преступникам.

— Смертная казнь, милостивый государь, не варварство! — кричал он. — Наука признала, что есть врожденные преступники. Этим, батенька, все сказано. Их истреблять надо, а не кормить на государственный счет. Он — злодей, а ему на всю жизнь обеспечен теплый угол в каторжной тюрьме. Он убил, поджег, растлил, а плательщик налогов отдувается своим карманом на его содержание. Нет-с, вешать много справедливее и дешевле.

В столовой накрыт был круглый стол белою с красною каемкою скатертью, и на нем расставлены тарелки с жирными колбасами и другими снедями, солеными, копчеными, маринованными, и графины и бутылки разных калибров и форм со всякими водками, настойками и наливками. Все было по вкусу для Передонова и даже некоторая неряшливость убранства была ему мила.

Хозяин продолжал громить. По поводу съестного обрушился на лавочников, а затем заговорил почему-то о наследственности.

— Наследственность — великое дело! — свирепо кричал он. — Из мужиков в баре выводить — глупо, смешно, нерасчетливо и безнравственно. Земля скудеет, города наполняются золоторотцами, неурожаи, невежество, самоубийства — это вам нравится? Учите мужика сколько хотите, но не давайте ему чинов за это. А то крестьянство теряет лучших членов и вечно останется чернью, быдлом, а дворянство тоже терпит ущерб от прилива некультурных элементов. У себя в деревне он был лучше других, а в дворянское сословие он вносит что-то грубое, нерыцарское, неблагородное. На первом плане у него нажива, утробные интересы. Нет-с, батенька, касты были мудрое устройство.

— Да вот и у нас в гимназии директор всякую шушеру пускает, — сердито сказал Передонов, — даже есть крестьянские дети, а мещан даже много.

— Хорошее дело, нечего сказать! — крикнул хозяин.

— Есть циркуляр, чтоб всякой швали не пускать, а он по-своему, — жаловался Передонов, — почти нико-

му не отказывает. У нас, говорит, дешевая жизнь в городе, а гимназистов, говорит, и так мало. Что ж что мало? И еще бы пусть было меньше. А то одних тетрадок не напоправляешься. Книги некогда прочесть. А они нарочно в сочинениях сомнительные слова пишут, — все с Гротом приходится справляться.

— Выпейте ерофеичу, — предложил Авиновицкий. — Какое же у вас до меня дело?

— У меня враги есть, — пробормотал Передонов, уныло рассматривая рюмку с желтой водкою, прежде чем выпить ее.

— Без врагов свинья жила, — отвечал Авиновицкий, — да и ту зарезали. Кушайте, хорошая была свинья.

Передонов взял кусок ветчины и сказал:

— Про меня распускают всякую ерунду.

— Да, уж могу сказать, по части сплетен хуже нет города! — свирепо закричал хозяин. — Уж и город! Какую гадость ни сделай, сейчас все свиньи о ней захрюкают.

— Мне княгиня Волчанская обещала инспекторское место выхлопотать, а тут вдруг болтают. Это мне повредить может. А все из зависти. Тоже и директор распустил гимназию: гимназисты, которые на квартирах живут, курят, пьют, ухаживают за гимназистками. Да и здешние такие есть. Сам распустил, а вот меня притесняет. Ему, может быть, наговорили про меня. А там и дальше пойдут наговаривать. До княгини дойдет.

Передонов длинно и нескладно рассказывал о своих опасениях. Авиновицкий слушал сердито и по временам восклицал гневно:

— Мерзавцы! Шельмецы! Иродовы дети!

— Какой же я нигилист? — говорил Передонов. — Даже смешно. У меня есть фуражка с кокардою, а только я ее не всегда надеваю, — так и он шляпу носит. А что у меня Мицкевич висит, так я его за стихи повесил, а не за то, что он бунтовал. А я и не читал его «Колокола».

— Ну, это вы из другой оперыхватили, — бесцеремонно сказал Авиновицкий. — «Колокол» Герцен издавал, а не Мицкевич.

— То другой «Колокол», — сказал Передонов, — Мицкевич тоже издавал «Колокол».

— Не знаю-с. Это вы напечатайте. Научное открытие. Прославитесь.

— Этого нельзя напечатать, — сердито сказал Передонов. — Мне нельзя запрещенные книги читать. Я и не читаю никогда. Я — патриот.

После долгих сетований, в которых изливался Передонов, Авиновицкий сообразил, что кто-то пытается шантажировать Передонова и с этой целью распускает о нем слухи с таким расчетом, чтобы запугать его и тем подготовить почву для внезапного требования денег. Что эти слухи не дошли до Авиновицкого, он объяснил себе тем, что шантажист ловко действует в самом близком к Передонову кругу, — ведь ему же и нужно воздействовать лишь на Передонова. Авиновицкий спросил:

— Кого подозреваете?

Передонов задумался. Случайно подвернулась на память Грушина, смутно припомнился недавний разговор с нею, когда он оборвал ее рассказ угрозою донести. Что это он погрозил доносом Грушиной, спуталось у него в голове в тусклое представление о доносе вообще. Он ли донесет, на него ли донесут — было неясно, и Передонов не хотел сделать усилия припомнить точно, — ясно было одно, что Грушина — враг. И, что хуже всего, она видела, куда он прятал Писарева. Надо будет перепрятать. Передонов сказал:

— Вот Грушина тут есть такая.

— Знаю, шельма первостатейная, — кратко решил Авиновицкий.

— Она все к нам ходит, — жаловался Передонов, — и все вынюхивает. Она жадная, ей все давай. Может быть, она хочет, чтоб я ей деньгами заплатил, чтоб она

не донесла, что у меня Писарев был. А может быть, она хочет за меня замуж. Но я не хочу платить, и у меня есть другая невеста, — пусть доносит, я не виноват. А только мне неприятно, что выйдет история, и это может повредить моему назначению.

— Она — известная шарлатанка, — сказал прокурор. — Она тут гаданьем занялась было, дураков морочила, да я сказал полиции, что это надо прекратить. На этот раз были умны, послушались.

— Она и теперь гадает, — сказал Передонов, — на картах мне раскладывала, все дальняя дорога выходила да казенное письмо.

— Она знает, кому что сказать. Вот погодите, она будет петли метать, а потом и пойдет деньги вымогать. Тогда вы прямо ко мне. Я ей всыплю сто горячих, — сказал Авиновицкий любимую свою поговорку.

Не следовало принимать ее буквально, — это обозначало просто изрядную головоломку.

Так обещал Авиновицкий свою защиту Передонову. Но Передонов ушел от него, волнуемый неопределенными страхами; их укрепляли в нем громкие, грозные речи Авиновицкого.

Каждый день так делал Передонов по одному посещению перед обедом, — больше одного не успевал, потому что везде надо было вести обстоятельные объяснения. Вечером, по обыкновению, отправлялся играть на бильярде.

По-прежнему ворожащими зовами заманивала его Вершина, по-прежнему Рутитов хвалил сестер. Дома Варвара уговаривала его скорее венчаться, — но никакого решения не принимал он. «Конечно, — думал он иногда, — жениться бы на Варваре всего выгоднее, — ну а вдруг княгиня обманет? В городе станут смеяться», — думал он, и это останавливало его.

Преследование невест, зависть товарищей, более сочиненная им самим, чем действительная, чьи-то подо-

зреваемые им козни — все это делало его жизнь скучною и печальною, как эта погода, которая несколько дней подряд стояла хмурая и часто разрешалась медленными, скучными, но долгими и холодными дождями. Скверно складывалась жизнь, чувствовал Передонов, — но он думал, что вот скоро делается он инспектором, и тогда все переменится к лучшему.

X

В четверг Передонов отправился к предводителю дворянства.

Предводителев дом напоминал поместительную дачу где-нибудь в Павловске или в Царском Селе, дачу, вполне пригодную и для зимнего жилья. Не была в глаза роскошь, но новизна многих вещей казалась преувеличенно излишнею. Александр Михайлович Верига ждал Передонова в кабинете. Он сделал так, как будто торопится идти навстречу к гостю и только случайно не успел встретить его раньше.

Верига держался необычайно прямо, даже и для отставного кавалериста. Говорили, что он носит корсет. Лицо, гладко выбритое, было однообразно румяно, как бы покрашено. Голова острижена под самую низкостригущую машинку, — прием, удобный для смягчения плечи. Глаза серые, любезные и холодные. В обращении он был со всеми весьма любезен, во взглядах решителен и строг. Во всех движениях чувствовалась хорошая военная выправка, и замашки будущего губернатора иногда проглядывали.

Передонов объяснял ему, сидя против него у дубового резного стола:

— Вот обо мне всякие слухи ходят, так я, как дворянин, обращаюсь к вам. Про меня всякий вздор говорят, ваше превосходительство, чего и не было.

— Я ничего не слышал, — отвечал Верига и, выжидательно и любезно улыбаясь, упирал в Передонова серые внимательные глаза.

Передонов упорно смотрел в угол и говорил:

— Социалистом я никогда не был, а что там иной раз, бывало, скажешь лишнее, так ведь это в молодые годы кто не кипятится. А теперь я ничего такого не думаю.

— Так вы таки были большим либералом? — с любезною улыбкою спросил Верига. — Конституции желали, не правда ли? Все мы в молодости желали конституции. Не угодно ли?

Верига подвинул Передонову ящик с сигарами. Передонов побоялся взять и отказался; Верига закурил.

— Конечно, ваше превосходительство, — признался Передонов, — в университете и я, но только я и тогда хотел не такой конституции, как другие.

— А именно? — с оттенком приближающегося неудовольствия в голосе спросил Верига.

— А чтоб была конституция, но только без парламента, — объяснил Передонов, — а то в парламенте только дерутся.

Веригины серые глаза засветились тихим восторгом.

— Конституция без парламента! — мечтательно сказал он. — Это, знаете ли, практично.

— Но и то это давно было, — сказал Передонов, — а теперь я ничего.

И он с надеждою посмотрел на Веригу. Верига выпустил изо рта тоненькую струйку дыма, помолчал и сказал медленно:

— Вот вы — педагог, а мне приходится, по моему положению в уезде, иметь дело и со школами. С вашей точки зрения вы каким школам изволите отдавать предпочтение: церковно ли приходским или этим, так называемым земским?

Верига отряхнул пепел с сигары и прямо уставился в Передонова любезным, но слишком внимательным

взором. Передонов нахмурился, глянул по углам и сказал:

— Земские школы надо подтянуть.

— Подтянуть, — неопределенным тоном повторил Верига, — так-с.

И он опустил глаза на свою тлеющую сигару, словно приготавливаясь слушать долгие объяснения.

— Там учителя — нигилисты, — говорил Передонов, — а учительницы в бога не верят. Они в церкви стоят и сморкаются.

Верига быстро глянул на Передонова, улыбнулся и сказал:

— Ну, это, знаете ли, иногда необходимо.

— Да, но она точно в трубу, так что певчие смеются, — сердито говорил Передонов. — Это она нарочно. Это Скобочкина такая есть.

— Да, это нехорошо, — сказал Верига, — но у Скобочкиной это больше от невоспитанности. Она девица вовсе без манер, но учительница усердная. Но, во всяком случае, это нехорошо. Надо ей сказать.

— Она и в красной рубахе ходит. А иногда так даже босая ходит и в сарафане. С мальчишками в козны играет. У них в школах очень вольно, — продолжал Передонов, — никакой дисциплины. Они совсем не хотят наказывать. А с мужицкими детьми так нельзя, как с дворянскими. Их стегать надо.

Верига спокойно посмотрел на Передонова, потом, как бы испытывая неловкость от услышанной им бестактности, опустил глаза и сказал холодным, почти губернаторским тоном:

— Должен сказать, что в учениках сельских школ я наблюдал многие хорошие качества. Несомненно, что в громадном большинстве случаев они вполне добросовестно относятся к своей работе. Конечно, как и везде у детей, бывают проступки. Вследствие неблагоприятности окружающей среды эти проступки могут принять

там довольно грубые формы, тем более что в сельском населении России вообще мало развиты чувства долга и чести и уважения к чужой собственности. Школа обязана к таким проступкам относиться внимательно и строго. Если все меры внушения исчерпаны или если проступок велик, то, конечно, следовало бы, чтобы не увольнять мальчика, прибегать и к крайним мерам. Впрочем, это относится и ко всем детям, даже и к дворянским. Но я вообще согласен с вами в том, что в школах этого типа воспитание поставлено не совсем удовлетворительно. Госпожа Штевен в своей весьма, кстати, интересной книге... вы изволили читать?

— Нет, ваше превосходительство, — смущенно сказал Передонов, — мне все некогда было, много работы в гимназии. Но я прочту.

— Ну, это не так необходимо, — с любезною улыбкою сказал Верига, словно разрешая Передонову не читать этой книги. — Да, так вот госпожа Штевен рассказывает с большим возмущением, как двух ее учеников, парней лет по семнадцати, волостной суд приговорил к розгам. Они, видите ли, гордые, эти парни, — да мы, изволите ли видеть, намучились все, пока над ними тяготел позорный приговор, — его потом отменили. А я вам скажу, что на месте госпожи Штевен я постеснялся бы рассказывать на всю Россию об этом происшествии: ведь осудили-то их, можете себе представить, за кражу яблок. Прошу заметить, за кражу! А она еще пишет, что это — ее самые хорошие ученики. А яблоки, однако, украли! Хорошо воспитание! Остается только откровенно признаться, что право собственности мы отрицаем.

Верига в волнении поднялся с места, сделал шага два, но тотчас же овладел собою и опять сел.

— Вот если я сделаюсь инспектором народных училищ, я иначе поведу дело, — сказал Передонов.

— А, вы имеете в виду? — спросил Верига.

— Да, княгиня Волчанская мне обещала.

Верига сделал приятное лицо.

— Мне приятно будет вас поздравить. Не сомневаюсь, что в ваших руках дело выиграет.

— А вот тут, ваше превосходительство, в городе болтают разные пустяки, — еще, может быть, кто-нибудь донесет в округ, помешают моему назначению, а я ничего такого.

— Кого же вы подозреваете в распространении ложных слухов? — спросил Верига.

Передонов растерялся и забормotal:

— Кого же подозревать? Я не знаю. Говорят. А я, собственно, потому, что это может мне повредить по службе.

Верига подумал, что ему и не надо знать, кто именно говорит: ведь он еще не губернатор. Он опять вступил в роль предводителя и произнес речь, которую Передонов выслушал, страхась и тоскуя:

— Я благодарю вас за доверие, которое вы оказали мне, прибегая к моему (Верига хотел сказать «покровительству», но воздержался) посредничеству между вами и обществом, в котором, по вашим сведениям, ходят неблагоприятные для вас слухи. До меня эти слухи не дошли, и вы можете утешать себя тем, что распространяемые на ваш счет клеветы не осмеливаются подняться из низин городского общества и, так сказать, пресмыкаются во тьме и тайне. Но мне очень приятно, что вы, состоя на службе по назначению, однако, столь высоко оцениваете одновременно и значение общественного мнения, и достоинство занимаемого вами положения в качестве воспитателя юношества, одного из тех, просвещенным попечениям которых мы, родители, доверяем драгоценнейшее наше достояние, наших детей. Как чиновник вы имеете своего начальника в лице вашего достоуважаемого директора, но как член общества и дворянин вы всегда в праве рассчитывать на... содействие предводителя дворянства в вопросах, касающихся вашей чести, вашего человеческого и дворянского достоинства.

Продолжая говорить, Верига встал и, упруго упираясь в край стола пальцами правой руки, глядел на Передонова с тем безразлично-любезным и внимательным выражением, с которым смотрят на толпу, произнося благосклонно-начальнические речи. Встал и Передонов и, сложа руки на животе, угрюмо смотрел на ковер под хозяиновыми ногами. Верига говорил:

— Я рад, что вы обратились ко мне и потому, что в наше время особенно полезно членам первенствующего сословия всегда и везде прежде всего помнить, что они — дворяне, дорожить принадлежностью к этому сословию, — не только правами, но и обязанностями и честью дворянина. Дворяне в России, как вам, конечно, известно, сословие по преимуществу служилое. Строго говоря, все государственные должности, кроме самых низких, разумеется, должны находиться в дворянских руках. Нахождение разночинцев на государственной службе составляет, конечно, одну из причин таких нежелательных явлений, как то, которое возмутило ваше спокойствие. Клевета и клеюза — орудие людей низшей породы, не воспитанных в добрых дворянских традициях. Но я надеюсь, что общественное мнение выскажется ясно и громко в вашу пользу, и вы можете вполне рассчитывать на все мое содействие в этом отношении.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство, — сказал Передонов, — так уж я буду надеяться.

Верига любезно улыбнулся и не садился, давая понять, что разговор окончен. Сказав свою речь, он вдруг почувствовал, что это вышло вовсе некстати и что Передонов не кто иной, как трусливый искатель хорошего места, обивающий пороги в поисках покровительства. Он отпустил Передонова с холодным пренебрежением, которое привык чувствовать к нему за его непорядочную жизнь.

Одеваясь при помощи лакея в прихожей и слыша доносящиеся издали звуки рояля, Передонов думал, что в этом доме живут по-барски, гордые люди, высоко себя

ставят. «В губернаторы метит», — с почтительным и завистливым удивлением думал Передонов.

На лестнице встретились ему возвращавшиеся с прогулки маленькие два предводителя сына со своим наставником. Передонов посмотрел на них с сумрачным любопытством.

«Чистые какие, — думал он, — даже в ушах ни грязинки. И бойкие такие, а сами небось вышколенные, по струнке ходят. Пожалуй, — думал Передонов, — их никогда и не стегают».

И сердито посмотрел им вслед Передонов, а они быстро подымались по лестнице и весело разговаривали. И дивило Передонова, что наставник был с ними как равный, не хмурился и не кричал на них.

Когда Передонов вернулся домой, он застал Варвару в гостиной с книгой в руках, что бывало редко. Варвара читала поварскую книгу, — единственную, которую она иногда открывала. Книга была старая, трепаная, в черном переплете. Черный переплет бросился в глаза Передонову и привел его в уныние.

— Что ты читаешь, Варвара? — сердито спросил он.

— Что? Известно что, поварскую книгу, — отвечала Варвара. — Мне пустяков некогда читать.

— Зачем поварская книга? — с ужасом спросил Передонов.

— Как зачем? Кушанье буду готовить тебе же, ты все привередничаешь, — объясняла Варвара, усмехаясь горделиво и самодовольно.

— По черной книге я не стану есть! — решительно заявил Передонов, быстро выхватил из рук Варвары книгу и унес ее в спальню.

«Черная книга! Да еще по ней обеды готовить! — думал он со страхом. — Того только недоставало, чтобы его открыто пытались известить чернокнижием! Необходимо уничтожить эту страшную книгу», — думал он, не обращая внимания на дребезжащее Варварино ворчанье.

В пятницу Передонов был у председателя уездной земской управы.

В этом доме все говорило, что здесь хотят жить по-просту, по-хорошему и работать на общую пользу. В глаза метались многие вещи, напоминающие о деревенском и простом: кресло с дугою-спинкою и топориками-ручками, чернильницы в виде подковы, пепельница-лапоть. В зале много мерочек — на окнах, на столах, на полу — с образцами разного зерна, и кое-где куски «голодного» хлеба, — скверные глыбы, похожие на торф. В гостиной — рисунки и модели сельскохозяйственных машин. Кабинет загромождали шкафы с книгами о сельском хозяйстве и о школьном деле. На столе — бумаги, печатные отчеты, картонки с какими-то разной величины карточками. Много пыли и ни одной картины.

Хозяин, Иван Степанович Кириллов, очень беспокоился, как бы, с одной стороны, быть любезным, европейски-любезным, но, с другой стороны, не уронить своего достоинства хозяина в уезде. Он весь был странный и противоречивый, как бы спаянный из двух половинок. По всей его обстановке было видно, что он много и с толком работает. А на него самого посмотришь, и кажется, что вся эта земская деятельность для него только лишь забава и ею занят он пока, а настоящие его заботы где-то впереди, куда порою устремлялись его бойкие, но как бы неживые, оловянного блеска глаза. Как будто кем-то вынута из него живая душа и положена в долгий ящик, а на место ее вставлена не живая, но сноровистая суетилка.

Он был невелик ростом, тонок, моложав, — так моложав и румян, что подчас казался мальчиком, приклеившим бороду и перенявшим от взрослых, довольно удачно, их повадки. Движения у него были отчетливые и быстрые. Здороваясь, он проворно кланялся и шаркал и скользил на подошвах щегольских башмачков. Одежду его хотелось назвать костюмчиком: серенькая курточка, батистовая некрахмаленная сорочка с отложным ворот-